
МОЛОДЫЕ И ГОРЯЧИЕ
Артур и Настя
ДИАНА РЫМАРЬ

Диана Рымарь
Артур и Настя

https://litres.ru/74749412

Аннотация

«Посмотри, милая, какие телки! – читаю сообщение мужа. – Буду с ними отрываться всю ночь. В красках представь». Как последняя мазохистка, я и вправду смотрю прикрепленные к сообщению фото. Их много – Артур собрал в своем люксе целый гарем. Вот его рука на груди блондинки. Вот он лапает задницу брюнетки. А вот селфи с какой-то азиаткой. Мне так больно, что боюсь дышать. Прикрываю рот, чтобы не разрыдаться в голос. А следом от него приходит: «Когда вернусь из отпуска, хочу, чтобы духу твоего в моей квартире не было!» И плевать ему, что у нас трое детей. Дорогие, любимые, долгожданное продолжение про Артура и Настю! Однотомник, можно читать отдельно. ХЭ

Содержание

Глава 1. За сутки до юбилея отца 4
Визуал 11
Глава 2. Платье 17
Глава 3. Погуляли 23
Глава 4. Явление 27
Глава 5. Четвертый ребенок 36
Глава 6. Татушка 43
Глава 7. Семь я 50
Глава 8. Моя свекровь 58
Глава 9. Лиза 69
Глава 10. Один взбешенный муж 76
Глава 11. Архитектор 83
Глава 12. Открытие 88
Глава 13. Напалмом 96
Глава 14. Ляпнула на свою голову 105
Глава 15. Аффект 114
Глава 16. Той же ночью 126
Конец ознакомительного фрагмента. 128

Глава 1. За сутки до юбилея отца

Настя

Что может пойти не так, если у тебя трое детей, а тебе позарез нужно собраться на корпоратив мужа?

Пф-ф-ф, все.

У меня сегодня должно было быть все по плану.

Утром сдаю детей няне, потом в парикмахерскую, на маникюр. Еще надо съездить в ателье, примерить платье, которое для меня подшивали.

Вечером я вся такая легкая и воздушная должна заехать за мужем на работу ровно в шесть и отправиться на корпоратив. А то у него же машина в ремонте, и вообще он там пить собрался. Еще бы, ведь праздник в честь двадцатилетия фирмы отца.

А мне зачем отдыхать? Я ж мать семейства, что расшифровывается, как «трезвый водитель», если кто не знал.

Такси? Какое такси, когда у Артура есть я? Это же гораздо удобнее.

С — сарказм.

Не его, мой.

— Жду тебя вечером самую красивую. Не подводи меня! Все, мне пора.

Артур мажет по моей щеке поцелуем и спешит из кухни

на выход.

Хотя сегодня суббота!

Но ему все равно: будни, выходные, праздники. И поводы сбежать из дома в офис у него о-о-очень серьезные.

Новый проект, новые заказчики, контракт горит, и вообще он ведь совсем недавно получил должность зама генерального в компании отца. Ему не до отдыха, ему работать надо, а то вдруг невзначай как возьмет, как нарушит доверие руководства. И вообще, Настя, неужели ты не понимаешь всей важности его драгоценной работы? Он же семью кормит, он же всех нас содержит, он же жилы рвет…

А я так, сбоку припеку, вообще, видимо, целый день отдыхаю и ничего полезного не делаю. И все мои проблемы неважные — они же не связаны с прибылью драгоценной компании его отца.

Иду за мужем в прихожую.

Наблюдаю, как он натягивает на широкие плечи куртку. Его мощная, мускулистая фигура еще некоторое время маячит в прихожей. Он бросает взгляд на зеркало у выхода, приглаживает черную шевелюру.

Смотрит на меня черными, полными строгости глазами и бросает на прощание:

— Настя, без опозданий, заберешь меня ровно в шесть.

И уходит.

А я…

Не знаю, когда наши отношения стали такими.

Мы ведь молодые еще, нам по двадцать пять лет.

Я люблю его — очень. Но в последние полгода чувствую, что он все больше от меня отдаляется. Поселился в офисе, и такое ощущение, что дома ему неинтересно.

Я неинтересна, стала каким-то функционалом.

Ращу наших детей, содержу в порядке квартиру, которую нам подарили его же родители. И ничего… Совершенно ничегошеньки не успеваю, потому что быт и дети съели все мое время, а то, что осталось, занято бесконечными требованиями Артура. То ему не так, се ему не так, недостаточно идеально, не вовремя.

Он не видит, как я устала, не замечает моих просьб провести с нами время.

Ладно, сегодня придет новая няня, я отвлекусь, схожу в салон…

Собственно, уже месяц пытаюсь туда попасть. Я натуральная блондинка, но после вторых родов заметила, что волосы начали сереть, и это особенно заметно у корней, что не добавляет мне привлекательности. Про маникюр вообще молчу. Коротко обстриженные ногти, наскоро накрашенные лаком, — вот и весь мой маникюр, и это к вечеру надо срочно поправить. Потому что фотографировать же будут, отец Артура целую фотосессию заказал для семьи и коллег.

Едва за Артуром закрывается дверь, как в прихожей повисает тишина. Я стою и смотрю на эту дверь, и почему-то хочется заплакать. Не от обиды — от усталости, что накопи-

лась в самой душе.

Однако на слезы нет времени.

Возвращаюсь на кухню, чтобы приготовить завтрак детям.

Но даже приступить не успеваю, потому что звонит телефон.

— Анастасия Дмитриевна? Это Марина, из агентства «Золотые детки». Понимаете, произошла накладка… Назначенная вам няня заболела, а новая может прибыть только к полудню. Мы очень извиняемся, но ничего поделать не можем.

На этом она прощается и кладет трубку.

А-а-а… хочу закричать.

***

Но то было только начало, дальше — больше.

Близнецы за завтраком устраивают войну овсянкой, набирают кашу в ложки и стреляют ею друг в друга. А ведь им по семь лет, уже должно быть что-то в голове. Хотя бы понимание того, что маме после их войнушки придется отмывать всю кухню.

А когда я по дурости решаю оставить их одних, взяв в салон только трехлетнюю Улю, они умудряются устроить потоп в ванной.

К моменту, когда к нам все-таки является няня, я выгляжу даже хуже, чем утром. Ведь меня не то что подстричь не успели, но даже толком прокрасить волосы не удалось.

Но и это еще цветочки.

Стоит мне съездить в ателье за платьем, как по возвращении я узнаю, что близнецы налили в сапоги няни какую-то резко пахнущую жидкость. И теперь няня отказывается с ними сидеть, потому что они вандалы.

Не то чтобы я этого не знала… Кстати, именно поэтому у нас такие сложности с подбором нянь.

Кое-как уговариваю ее остаться. Ругаю близнецов, взываю к их ответственности. А в это время малышка Уля, свет очей моих, проливает вишневый сок на мое новое бежевое платье.

Что в результате?

А в результате я с гулькой на голове, неухоженными ногтями и в старом платье, которое мне маловато в бедрах, еду к Артуру в офис. Потому что на шопинг у меня в последний раз было время… Никогда. Никогда его у меня нет. Ни на что.

Естественно, опаздываю.

Аж на пятнадцать минут, о ужас какой…

Не сарказм, на него уже нет сил.

Офис торговой компании семьи Григорян находится в современном бизнес-центре из стекла и бетона.

Я паркуюсь рядом, бегу ко входу.

Поднимаюсь на лифте на пятый этаж. Захожу в отдел, где работает Артур.

Муж у себя в кабинете.

Он сидит за большим столом, смотрит в монитор, хмурит-

ся.

— Артур, — говорю я тихо.

Он поднимает голову, смотрит на меня. И я вижу, как его лицо меняется — сначала на нем появляется удивление, потом разочарование, потом раздражение.

— Настя, — говорит он холодным тоном. — Ты опоздала.

— Извини, я…

— Я просил тебя об одном. Одном! Приехать вовремя и красиво одеться. Всего две вещи. И ты не смогла.

— У меня был ужасный день, — начинаю я. — Няня не пришла вовремя, дети устроили настоящий дурдом…

— Настя, у меня тоже был тяжелый день, — обрывает он. — Но я же справился. Почему ты не можешь?

После этих его слов мне уже не хочется ничего отвечать. Потому что горло давит такая обида, что хоть вой.

Смотрю на него влажными от подкативших слез глазами.

А Артур продолжает:

— Ты выглядишь… Боже, Настя, ты хоть в зеркало смотрела? Это платье тебе мало. Хоть бы прическу сделала. У меня сегодня корпоратив, там будут все, а ты… ты выглядишь так, будто тебе все равно.

Я стою перед ним, и внутри все сжимается в комок. Хочу закричать, что я устала, что одна со всем справляюсь, что мне нужна его помощь. Но слова застревают в горле.

— Мне не все равно. — Могу выдавить из себя только это.

Тут в дверь кабинета стучат.

— Да, — говорит Артур, не отрывая от меня взгляда.

Дверь открывается, и заходит… она.

Анна Маркова, начальница отдела маркетинга.

Высокая, стройная, ухоженная донельзя. Светлые волосы лежат волнами, макияж идеален. На ней бежевый костюм, который сидит как влитой, дорогие туфли на каблуках. И пахнет она не детской овсянкой, а нишевым парфюмом.

— Артур Мигранович, — говорит она бархатным голосом, — простите, что отвлекаю. Хотела предложить отвезти вас на корпоратив, если нужно. У вас же машина в ремонте…

Анна переводит взгляд на меня, оценивающе смотрит.

И тут я замечаю в ее глазах странное… Насмешку? Презрение? Что-то такое, от чего мне становится мерзко.

Ну да, приперлась домашняя клуша за мужем. Вот так…

Визуал

Дорогие, любимые, я очень рада приветствовать вас в новой книге. Совсем скоро мы подберемся к тому самому моменту, который описан в бонусе к роману «Арам и Лиза». Буквально через несколько глав.

А пока что я предлагаю вам вспомнить, какими были наши ребята 7 лет назад, когда женились:

Теперь полюбуемся, какими они стали:

А теперь вернемся к нашим героям!
❤#❤#❤#

Глава 2. Платье

Настя

Одна половина моего сознания хочет сбежать отсюда, поехать домой, забиться в уголок и разрыдаться. Но вторая половина, та, что побойчее, взвивается от того, что подчиненная Артура позволяет себе такой взгляд в мою сторону.

Все знают, что у нас с Артуром трое детей. Все! Вон у него фото семьи в полном составе стоит на столе — я лично поставила, когда он получил этот кабинет.

Чисто по-женски можно же понять, что я могла попросту не успеть привести себя в порядок? Потому что с детьми сложно. Особенно с тремя. Особенно когда тебе почти не помогают.

Впрочем, откуда это знать карьеристке вроде Марковой? У нее ведь детей нет.

Детей нет, а вот доступ к моему мужу есть…

Откуда она знает, что у него машина в ремонте?

Я бросаю возмущенный взгляд на Артура.

Но он ей уже отвечает:

— Спасибо, Анна, не нужно.

Она улыбается белозубой улыбкой — идеальной, сияющей — и уходит, покачивая бедрами в этом своем идеальном костюме.

— Часто она к тебе так забегает по-свойски? — не удерживаюсь я от вопроса.

— Вот только не начинай… — Артур хмурится, и я вижу, как в его глазах вспыхивает раздражение. — Пошли.

— На корпоратив? — спрашиваю поникшим голосом.

Потому что мне уже никуда не хочется. Вот абсолютно.

— Платье тебе покупать, — чеканит Артур.

Вроде бы хорошее предложение, но каким тоном сказано…

Мы выходим из кабинета.

Движемся по коридору, стены которого украшены корпоративными наградами и фотографиями успешных проектов компании.

Шаги гулко отдаются на полированном полу.

Муж начинает меня распекать:

— Настя, есть же деньги, неужели нельзя было заранее купить что-то подходящее… Ты же знала про корпоратив.

— О, я купила. — Недовольно пыхчу. — Вот только Уля решила, что нужно пить сок именно на диване, куда я буквально на минуту выложила платье. На минуту… Я отвернулась на близнецов, и, когда обернулась, — сок уже по всему платью растекся.

Не удерживаюсь, выкладываю ему все, что натворили его любимые чада. В красках и с деталями. Про овсяную войну на кухне, потоп в ванной, уксус в сапогах няни, которая теперь отказывается к нам приходить.

Выговариваюсь и выговариваюсь, но вместо того, чтобы пообещать как-то повлиять на близнецов или хотя бы посочувствовать, Артур… посмеивается.

— Дети, что с них взять. — Он пожимает плечами.

Я останавливаюсь, впечатываю в него взгляд.

— Взял бы и провел с ними день. Вот возьми и проведи. Один день. С утра до вечера. Посмотрю, что ты мне потом скажешь.

— Слушай, — Артур разводит руками, — мы с Арамом тоже творили в детстве разное, еще похлеще близнецов. Но мама как-то справлялась и при этом не жаловалась.

Я затыкаюсь.

Ну да, его святая мама. Ульяна Владимировна, которая и коня на скаку, и в горящую избу, и с близнецами влегкую… И карьера у нее — целая кондитерская под ее началом, двадцать сотрудников.

А я не дотягиваю до высоких стандартов его семейства.

Идем к лифту молча, заходим внутрь.

Двери закрываются с тихим шипением. Лифт едет вниз, и в зеркальных стенах я вижу свое отражение — бледное лицо, темные круги под глазами, гулька эта дурацкая. Рядом Артур в безупречной рубашке и брюках, с идеально зачесанными черными волосами. Красивый, успешный мужчина. И я рядом с ним — уставшая, замученная домохозяйка.

Должно быть, Артур видит, в каком я настроении, потому что тянет ко мне губы, целует в висок.

— Все, хорош дуться, — говорит он мягко. — Ты все равно у меня самая красивая.

Самый неискренний комплимент, какой от него получала. Ведь только что критиковал.

Но мне все равно приятно…

Я закрываю глаза, чувствую его губы на своем виске. Теплые, нежные. Запах его одеколона — терпкий, древесный. Любимый.

И на секунду мне кажется, что все будет хорошо.

Выходим из здания, Артур ведет меня в сторону от парковки, и вскоре мы сворачиваем на соседнюю улицу. Вдруг оказываемся перед магазином.

Я даже не знала, что здесь есть бутик.

Витрина оформлена со вкусом — манекены в дорогих платьях, мягкое освещение. На двери золотыми буквами написано: «Элегант».

— Сюда. — Артур открывает передо мной дверь.

За стойкой сидит продавщица — молодая, с аккуратной прической.

— Добрый вечер, — улыбается она. — Чем могу помочь?

— Нужно вечернее платье, — говорит Артур. — Быстро.

Продавщица окидывает меня профессиональным взглядом.

— Проходите, — кивает она в сторону примерочной. — Я подберу несколько вариантов.

Иду за ней.

Артур располагается в кресле, достает телефон, начинает что-то листать. Даже не смотрит в мою сторону.

Продавщица приносит мне несколько платьев: красное с открытой спиной, синее с пайетками, черное классическое на тонких бретельках, зеленое с драпировкой.

— Примерьте, посмотрим, что подойдет.

Захожу в примерочную. Кручусь-верчусь в этих платьях, но ни одно особенно не нравится. Только черное сидит неплохо.

Классическое, на тонких бретельках, чуть выше колена. Силуэт прямой, сдержанное, элегантное.

Сейчас не до выпендрежей, да к тому же я без прически, а черное платье — это всегда беспроигрышный вариант.

Выхожу из примерочной.

Артур поднимает голову от телефона, смотрит на меня, важно кивает.

— Вот так лучше. Да, это хорошо. Берем. Так в нем и оставайся, Настя.

Продавщица пробивает нам покупку.

Выхожу из бутика во много раз счастливее, ведь мы с Артуром так давно не ходили вместе по магазинам.

Беру его за руку, он улыбается мне, и все вроде бы совсем-совсем налаживается.

Но у самого выхода, когда мы проходим мимо другой секции, я вижу стойку с костюмами.

Бежевыми костюмами.

Останавливаюсь как вкопанная.

Один из них точь-в-точь, как был на Анне Марковой. Бежевый пиджак приталенного кроя, элегантный, дорогой. Я даже узнаю ткань — видела ее вблизи сегодня.

И тут меня пронзает простая, но от этого не менее болезненная догадка.

Артур ей костюм купил?

Мы рядом с его офисом. Очевидно, что он знает этот бутик, раз привел меня сюда без раздумий, без поиска адреса в интернете. Он здесь бывал! С ней?

Я смотрю на этот костюм, потом на Артура.

Он стоит у выхода, снова уткнувшись в телефон, и не замечает моей реакции.

Хочется взять и спросить прямо или вообще устроить отвратительную сцену, но… Кем я тогда буду выглядеть в его глазах? Ревнивой истеричкой? Он уже меня такой считает.

— Настя, ты идешь? — окликает меня муж.

Я отрываю взгляд от костюма.

— Да, — говорю тихо. — Иду.

Что мне еще остается?

Глава 3. Погуляли

Настя

Корпоратив проходит в шикарном ресторане, который мой свекор снял для своих гостей. Играет живая музыка — что-то армянское, мелодичное.

Гости уже собрались. Мужчины в костюмах, женщины в вечерних платьях. Все нарядные, ухоженные, улыбающиеся.

Я вхожу под руку с Артуром, и чувствую на себе оценивающие взгляды. Некоторые узнают меня, кивают, здороваются. Я улыбаюсь, отвечаю, но прекрасно осознаю, насколько фальшива моя улыбка. Ведь перед глазами стоит тот самый бежевый костюм.

— Артур, сынок! — Навстречу идет отец Артура, Мигран Аветович.

Высокий, крупный мужчина, с седеющими волосами и такими же черными глазами, как у сына.

Он обнимает Артура, хлопает по плечу, потом поворачивается ко мне.

— Настенька, красавица, как дела? Дети как?

— Здравствуйте, Мигран Аветович, — говорю я тихо. — Все хорошо, дети растут.

— Отлично, отлично! — Он снова хлопает Артура по плечу. — Проходите, садитесь, сейчас начнем.

Рядом с ним появляется Ульяна Владимировна, моя свекровь. Элегантная женщина в золотистом платье, волосы уложены в высокую прическу, макияж безупречен. Она целует меня в щеку, обнимает.

— Настя, здравствуй. Как ты?

— Здравствуйте, все в порядке, — повторяю я механически.

— Хорошо. Пойдем, сядешь рядом со мной, я приберегла место, пока Мигран будет говорить речь, чтобы было хорошо видно.

Я успеваю только кивнуть, как телефон в моей сумочке начинает вибрировать.

Достаю. На экране высвечивается: «Няня».

Сердце падает.

Показываю Артуру телефон.

— Надо ответить, вдруг что-то с близнецами.

Он лишь пожимает плечами.

Отхожу в сторонку, беру трубку.

— Анастасия Дмитриевна, простите, что беспокою, — голос няни встревоженный, — но тут ситуация… Близнецы… они разбили аквариум.

— Что?! — У меня перехватывает дыхание. — Какой аквариум?

— Ну тот, что у вас в гостиной стоял… Они играли в мяч, мяч полетел, задел аквариум, он упал… Вода везде, рыбки на полу, стекла… Я не знаю, что делать, кое-как собрала ры-

бок, но они, кажется, уже… В общем, вам нужно срочно вернуться.

Я закрываю глаза. Аквариум. Тот самый, который подарила нам свекровь на Новый год. Дорогой, красивый, с экзотическими рыбками.

Ведь просила же близнецов не играть в мяч в квартире, запрещала миллион раз.

И тут в трубке слышится отчаянный визг няни:

— Уля не бери стекло в руки! — А потом уже мне: — Приезжайте пожалуйста, тут дурдом…

Ну конечно, дурдом. А когда было по-другому?

— Я еду, — отвечаю сразу. — Сейчас еду.

Кладу трубку, разворачиваюсь.

Артур стоит у стола, разговаривает с кем-то из коллег, смеется.

Подхожу к нему, дергаю за рукав.

Он оборачивается, хмурится:

— Что случилось?

— Артур, нам надо домой. Близнецы разбили аквариум, там вода везде, и… Короче, нужно срочно ехать.

— Настя, — он смотрит на меня с раздражением, — сейчас?

— Да, сейчас. Артур. Там Уля, рыбки…

— Пусть няня справляется, мы ей платим.

Оно-то, конечно, так, вот только у меня уже стоит перед глазами картина, как Уля режется об те осколки, ведь няня

не сможет все прибрать с тремя-то шкодливыми детьми.

— Она не может! — Мой голос повышается против воли. — Артур, надо…

— Через десять минут отец будет выступать с речью, — говорит он строго. — Будет говорить обо мне, моей работе, будущем в компании. Я сейчас не могу уехать!

— Тогда я сама…

— Это хороший вариант, — кивает он. — Приеду домой, как смогу, обещаю.

Муж целует меня в лоб, как покойницу, разворачивает и слегка подталкивает к выходу.

Уже на выходе замечаю, как Анна Маркова спешит к Артуру, словно ждала, когда я уйду.

Может, и правда ждала?!

Делаю шаг обратно, но тут телефон в руке снова оживает звонком няни.

Господи, что они еще натворили, эти дети?

Глава 4. Явление

Настя

Так и не дождавшись возвращения Артура домой, я укладываюсь в постель.

На часах одиннадцать ночи.

Даже не звоню мужу — смысл? Ему там, поди, хорошо, раз так и не явился, хотя обещал приехать «как сможет». Видимо, не смог…

И я не знаю, что думать, что делать, как переломить ситуацию. Ведь внешне-то все супер, а со стороны Артура так тем более. Он вообще проблем не видит, еще бы. У нас дети, хорошая квартира, две машины, отличная работа у отца семейства, каждому бы так жить. А как я себя чувствую — кажется, ему все равно.

Даже не позвонил, не поинтересовался, как там дети…

О, с какой скоростью улепетывала няня, как только я появилась дома! Ее даже не смутило, что сапоги не досохли и пахнут уксусом за километр. Я предлагала ей свои кроссовки, но она не стала их брать по причине того, что потом же возвращать надо будет.

И, конечно же, наотрез отказалась приходить завтра. Вообще заявила, что пора ей менять работу. Я видела в окно, как шустро она бежала к остановке.

Но перед уходом няня поделилась всем тем, что вытворяли мои вандалы. Они объявили ей войну и обозвали тухлой жабой. А поскольку физически она на них воздействовать никак не могла, они просто носились из комнаты в комнату и кидались в нее игрушками.

Когда няни и след простыл, мальчики подошли ко мне и сказали, что они не хотят никаких нянь, ведь мы с папой из-за этих нянь ссоримся. А они не хотят, чтобы мы с папой ссорились, поэтому выживут любую няню.

Они же взрослые уже! Им по семь лет, первоклассники, но для меня загадка, что творится в их головах.

Я пыталась им объяснить, что мы с Артуром если и ссоримся, то вовсе не из-за нянь. Но разве их в чем-то убедишь? Они же Григоряны! Не поверили, стояли на своем. Еще и пригрозили, что если приведу домой еще хоть одну няню, то они задействуют тяжелую артиллерию. Что это такое — так и не признались.

Само собой, я отругала близнецов, забрала у них планшеты и джойстики от приставки. Пообещала, что как только отец явится, он устроит им взбучку. Вот только отец не явился.

Я потратила вечер на выковыривание осколков аквариума из ковра, споры с близнецами, успокаивание Ули, которой было очень жаль рыбок.

Кое-как их всех уложила.

Морально уничтоженная всем этим, теперь лежу и смотрю

в потолок.

Я очень устала, но сна нет…

В этот момент из прихожей доносится характерный звук: скрежет ключа в замке, щелчок, тихий скрип двери.

Я вздрагиваю, поворачиваю голову к будильнику на тумбочке.

Одиннадцать пятнадцать.

Муж явился с корпоратива.

Сердце начинает биться чаще. Лежу неподвижно еще несколько секунд, прислушиваясь к звукам из прихожей, слышу шорох куртки, глухой стук ботинок о пол, шаги по паркету.

Кое-как собираю себя в кучу, сбрасываю одеяло и встаю с кровати, хотя ноги ватные. Я гляжу на себя в зеркало шкафа — короткие шелковые шортики цвета слоновой кости, топ на тонких бретельках. Волосы растрепаны, лицо бледное, под глазами тени.

Хватаю с кресла пушистый халат — мягкий, белый, до колен — и натягиваю его на себя, завязываю пояс.

Глубоко дышу.

Раз. Два. Три.

Запрещаю себе начинать кричать на Артура с порога, хотя хочется. Очень-очень!

Выхожу из спальни в гостиную.

Артур стоит возле дивана, расстегивает пуговицы на рубашке. Волосы чуть взъерошены, но выглядит он нормально

— свежий, бодрый, довольный.

Улыбается во все тридцать два зуба.

Он рад меня видеть.

— Привет. — Пытаюсь улыбнуться ему в ответ.

— Настюш! — Глаза мужа загораются очень знакомым блеском. — А я думал, ты уже спишь.

По голосу определяю — он даже трезвый, почти.

Артур делает шаг ко мне, лезет целоваться. Его руки обхватывают мою талию, губы тянутся к моим.

И тут я чувствую это…

Запах.

Не его одеколон.

Другой.

Цветочный, пряный, с нотками ванили и какой-то восточной специи. Сложный, дорогой, обволакивающий. Нишевый парфюм.

Тот самый, который я почувствовала сегодня от Анны Марковой, когда заезжала за Артуром в офис.

Что надо делать, чтобы так пропахнуть ее духами? Обжиматься? Целоваться? Тереться друг о друга? Мое воображение тут же рисует эти картины в красках.

И все, у меня падает забрало.

Все попытки убедить себя не скандалить с мужем забыты напрочь.

Вместо того чтобы ответить на поцелуй, я отстраняюсь и со всей силы леплю Артуру звонкую пощечину.

Потому что ну невозможно ведь такое терпеть…

Артур замирает, его рука рефлекторно взлетает к щеке.

Он смотрит на меня широко распахнутыми от шока глазами, давится возмущением.

— Козел! — выдаю я срывающимся голосом.

— Ты охренела?! — Он отшатывается, смотрит на меня, как на сумасшедшую.

Вижу, как на щеке мужа проступают красные пятна от моих пальцев.

— Это ты охренел! — кричу я. — Совсем. В край!

— Настя! — шипит он не своим голосом. — Это первый и последний раз, когда ты себе такое позволяешь, поняла меня? В следующий раз не прощу!

— А я тебе и единого раза не прощу! — не остаюсь в долгу. — Как ты можешь творить такое?

— Ты из-за корпоратива, что ли, так взбесилась? — Артур трет щеку. — Настя, я не мог уйти, я…

— Ты воняешь ее духами! — перебиваю я зло. — Ты с ней был? Признавайся, скотина!

Артур напрягается, сжимает челюсти.

— Можно без оскорблений? — рычит он с плохо скрываемым гневом. — Я тебя, по-моему, не оскорблял…

Можно оскорбить словом, а можно делом. Делом — больнее.

— Ты был с ней? — не успокаиваюсь я. — Скажи правду!

— С кем «с ней»? — раздраженно цедит он. — О чем ты

вообще?

— Прекрати придуриваться! — Я тычу пальцем ему в грудь. — С Анной Марковой!

Пауза.

Секунда.

Две.

Что-то мелькает в его глазах. Понимание? Вина? Или просто раздражение?

— А… — Он отмахивается от меня. — Ну… Она меня подвезла, как раз ехала в мою сторону. А что такого?

Действительно, что такого?

— И что вы делали в машине? — Я слышу свой голос словно со стороны — тихий, опасно тихий. — Раз ты так пропах ее духами…

— Настя, мы ничего не делали! — Он смотрит мне в глаза. — Мы просто коллеги, я не сплю с ней.

— Лгун!

— Ты что, совсем с катушек слетела? — Он вскидывает руки. — Приехал, блядь, домой к любимой жене… Рехнулась, женщина?

Молчу, потому что не знаю, что еще сказать. Его возмущение выглядит очень натурально, но мне от этого ни на грамм не легче.

Комок подступает к горлу.

— Просто скажи правду, — шепчу я. — Прошу тебя…

Артур смотрит на меня долгим взглядом. Потом качает

головой, и на его лице появляется что-то мягкое, почти нежное.

— Рехнулась, точно, — говорит он тихо, шагает ко мне. — Настя, у меня никого, кроме тебя, нет, не было и не будет. Ты забыла, что ли? Мы только друг для друга! Успокойся уже, я никогда тебе не изменю.

Снова молчу, потому что аргументов у меня уже нет, к тому же очень хочется ему верить.

Видимо, он чувствует перемену во мне, потому что сразу же действует.

Секунда — и он рядом, сгребает меня в объятия, прижимает к себе так, что не вырваться. Целует в щеку, в висок, в лоб. Губы горячие, настойчивые и такие сладкие…

— Дурочка моя, — шепчет он мне в ухо низким, хриплым голосом. — Если ты думаешь, что я могу кем-то тебя заменить… Настя, ты для меня незаменима. Ты же знаешь это.

— Артур… — начинаю я.

Но он целует меня снова, в шею, под ухом, в ключицу.

— Я люблю тебя, — говорит он между поцелуями. — Только тебя. Всегда.

И что-то во мне ломается.

Постепенно оттаиваю, поднимаю руки, обхватываю его шею. В глазах как по команде проступают слезы.

Артур снова целует меня, теперь в губы, медленно, нежно. Стирает слезы большими пальцами.

— Прости, — шепчу я, всхлипывая. — Прости за поще-

чину.

— Это было лишнее, да, — усмехается он, гладит меня по спине. — Но на первый раз, так и быть, прощу. Больше так не делай, поняла меня? Ты — мать моих детей, жена моя, и не должна себя так вести.

Я утыкаюсь лицом ему в грудь, вдыхаю его запах. И снова чувствую тот проклятый парфюм. Он въелся в его рубашку, в кожу.

— От тебя все равно воняет ее духами, — бормочу я обиженно.

Артур вздыхает, нехотя отпускает меня.

— Ладно, пойду в душ.

Он стягивает рубашку, скидывает брюки и уходит в ванную.

Вскоре оттуда раздается шум воды и его негромкий напев. Любитель попеть в душе, что поделать.

Я возвращаюсь в спальню, забираюсь под одеяло. Пытаюсь успокоиться и как-то проанализировать жуткую сцену.

Может, и правда духи просто впитались, пока он ехал с этой мымрой в машине? Завтра он заберет свою и больше такого не случится. Да?

Через пятнадцать минут Артур заходит в спальню — влажные волосы, капли воды на плечах, полотенце на бедрах.

Он забирается в постель, придвигается ко мне, целует в шею.

— Давай мириться, — просит настойчиво.

И моментально укладывает меня под себя.

— Артур, — шепчу я, упираясь ладонью ему в грудь. — Презервативы.

Ведь я его знаю, еще пара секунд, и он будет неостановим.

Муж делает вид, что не слышит и тянется ко мне губами, но я отворачиваю лицо. Показываю, что по поводу резинок я серьезно.

— Пожалуйста, — прошу его.

Но муж не двигается с места, ловит мой взгляд и говорит:

— Во-первых, они закончились. А во-вторых, нашей младшей дочери уже три года. Пора задуматься о четвертом ребенке, так что не противься, Настенька.

Пока он все это мне выдает, чувствую, как рука скользит под мой топ.

В шоке пытаюсь переварить его гениальную идею про четвертого ребенка.

Представляю в красках сегодняшний вечер только с поправкой на младенца у меня в руках… Или двух… Двух младенцев… Ведь у Григорянов близнецы в роду — обычное дело.

Хочется закричать от ужаса.

— Что ты такая деревянная сегодня, — жалуется Артур в попытке раздвинуть мои ноги.

И тут я выдаю:

— Отпусти меня! Вон из постели. Немедленно.

При этом толкаю его в грудь.

Глава 5. Четвертый ребенок

Настя

Артур застывает, смотрит на меня непонимающе. Секунду, две. Потом вздыхает — долго, протяжно — и откидывается на спину, уставившись в потолок.

— Настя, ты точно с катушек слетела! — говорит он обиженно. — Сейчас что не так?

— Что не так?! — Я почти задыхаюсь от возмущения. — Ты еще спрашиваешь?

Усаживаюсь в кровати, впечатываю взгляд в Артура, пытаясь понять, он правда не соображает или просто делает вид. Потому что в нашей ситуации четвертый ребенок — это просто лютая жесть.

Муж рывком спрыгивает на пол, поправляет на бедрах съехавшее полотенце, складывает руки на груди и принимает грозный вид. В комнате горит только ночник, фигура Артура отбрасывает на стену огромную тень.

— Да, спрашиваю, — выдыхает он с нажимом. — Что не так?

— Мы не потянем сейчас четвертого ребенка! — выпаливаю я. — Неужели, это не ясно?

— С чего это вдруг? — Артур вскидывает брови. — Я зарабатываю достаточно…

— Дело не в деньгах, Артур! — перебиваю я, сжимая в руках край одеяла. — Дети требуют массу всего кроме денег, в частности нашей заботы. Когда ты в последний раз с ними хоть день проводил?

Вижу, как дергается его челюсть. Попала в больное место.

— Вот только не надо мне тут сейчас говорить, что я хреновый отец, — огрызается он стальным голосом. — Я детей на футбол…

— Раз в неделю, — обрываю его. — А все остальное время с ними я. И я не готова к четвертому…

— А когда ты хочешь четвертого? — Артур делает шаг к кровати, щурит глаза. — В сорок, как мои родители? Это поздно, и им было очень тяжело. Рожать нужно, пока мы молодые, прописная истина.

От слова «рожать» меня передергивает. Будто я какой-то инкубатор.

— Я не готова к четвертому… — повторяю тихо, но твердо.

— Мы изначально с тобой договаривались, что будет большая семья, — говорит он с нажимом.

Явно думает, что может меня переубедить.

— А сейчас она у тебя недостаточно большая? — спрашиваю я. — У тебя и на этих времени нет, а я зашиваюсь. Ты хочешь меня совсем загнать?

Комната наполняется тяжелым молчанием.

Слышу, как где-то в коридоре монотонно тикают часы. За

окном завывает ветер.

— Не такие уж у нас вредные дети, чтобы ты так отмахивалась от возможности… — начинает Артур.

— Ага, ты скажи это няне, которая бежала от нас сегодня так, что слетали сапоги! — не выдерживаю я. — Артур, нам сейчас нужно сосредоточиться на близнецах и их поведении. Нам сейчас никак не до четвертого…

Он молча смотрит на меня долгим взглядом.

Я вижу, как работают желваки на его скулах. Потом он вздыхает раздраженно и в то же время упрямо.

— В любом случае презервативов нет, — произносит он почти равнодушно.

Из его уст это звучит как окончательный аргумент, типа: «делать нечего, Настя, смирись». А что такого? Раз резинок нет, значит надо рожать четвертого. Л — логика.

— Значит, и секса нет, — отрезаю я.

Чтобы подкрепить слова действием, демонстративно заворачиваюсь в одеяло — кручусь, пока ткань не окружает меня со всех сторон. Отползаю на свою сторону кровати, как можно дальше от середины. Поворачиваюсь к Артуру спиной, утыкаюсь лицом в подушку.

— Настя, ты это серьезно?! — возмущается он.

Молчу.

Слышу его недовольный возглас: что-то среднее между рычанием и стоном. Потом грохот — это он распахнул дверцу шкафа. Так резко, что створка ударилась о стенку.

Не выдерживаю, оборачиваюсь.

Артур стоит перед распахнутым шкафом и методично вываливает оттуда вещи — свитера, джинсы, футболки. Все летит прямо на пол, сваливается бесформенной кучей. Он роется в этом хаосе, явно что-то ища.

— Ты что делаешь? — стону на выдохе.

Он не отвечает.

Находит джинсы, натягивает их, хватает свитер — темно-синий, который я ему недавно заказывала. Натягивает его через голову.

— Артур, ты куда? — Я приподнимаюсь на локте, и в груди что-то болезненно сжимается.

Муж даже не оборачивается.

Пулей вылетает из спальни, и я слышу, как его шаги удаляются по коридору — быстрые, решительные.

— Артур! — снова его зову.

Тишина.

Потом раздается хлопок входной двери.

Ушел.

Просто взял и ушел.

У меня все внутри обрывается, словно кто-то невидимой рукой дернул внутренности вниз.

Замираю, уставившись в дверь спальни. Слышу лишь собственное дыхание — частое, прерывистое.

Куда он ушел? Зачем? На ночь глядя!

К ней?

К этой козе, облитой противными духами?

Мысль эта впивается в мозг, как заноза. Я пытаюсь ее отогнать, но она возвращается снова и снова. Представляю, как он сейчас едет куда-то. К кому-то. К ней?

Нет. Нет, не может быть.

Или может?

Я резко скидываю одеяло, вскакиваю с кровати. Комната плывет перед глазами — от резкости движения или от подступающих слез.

Что делать? Позвонить ему? Да, точно, нужно позвонить!

Бросаюсь к прикроватной тумбочке, шарю рукой по поверхности. Пусто. Телефона нет.

Черт!

Он в гостиной — на диване. Я его там оставила, когда пошла встречать Артура.

Выбегаю в коридор босиком. В гостиной царит полумрак, только из окна падает тусклый свет уличного фонаря. Нахожу телефон между подушек, хватаю, разблокирую и тут вижу, что на диванной подушке лежит еще один мобильник — Артура.

Он оставил телефон дома, забыл наверное.

И что мне теперь делать? Как до него достучаться?

Стою посреди гостиной, сжимая телефон, и чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. Горячие, обжигающие, они катятся по щекам.

Не знаю, что делать. Совершенно не знаю.

Пытаюсь успокоиться, сделать глубокий вдох, но получается только жалкое всхлипывание.

Неужели он так сильно обиделся? Неужели из-за этого он готов просто уйти среди ночи? Бросить меня одну…

Или он и правда… к ней?

От этой мысли становится физически плохо. Тошнота подкатывает к горлу.

Возвращаюсь в спальню медленно, словно на автопилоте. Залезаю обратно в кровать, укрываюсь одеялом почти с головой. Лежу, уставившись в никуда, до боли прикусываю губу.

Мной завладевает абсолютная растерянность. Страх. Обида — такая острая, что хочется кричать.

Слезы текут сами собой, всхлипываю, шмыгаю носом.

Чего ждать? Вернется ли он вообще?

Минуты тянутся мучительно долго. Лежу, вслушиваюсь в каждый звук. Ветер за окном. Гудение холодильника на кухне.

И вдруг слышу щелчок замка.

Входная дверь открывается.

Вернулся?

Сердце подскакивает к горлу. Хочется вскочить, выбежать к нему навстречу, обнять, спросить, где он был, что с ним. Но одновременно не хочется снова ругаться. И я страшно на него обижена за эту выходку. Как он мог просто так уйти?

Остаюсь лежать в кровати. Притворяюсь, что сплю, хотя на самом деле просто не знаю, как себя вести.

Слышу его шаги: сначала в прихожей, потом в коридоре. Медленные, осторожные. Приближаются к спальне.

Дверь тихо открывается. Он пытается не шуметь, входит в комнату.

Кровать прогибается под его весом — он садится рядом со мной, на край. Чувствую, как матрас накреняется в его сторону.

Молчу, не двигаюсь.

И вдруг прямо перед моим лицом — почти под носом — оказываются розы.

Я вижу их в слабом свете ночника: нежные, светлые бутоны, еще не до конца раскрывшиеся. Пахнут свежестью, чуть сладковато. Роз целый букет — наверное, штук девять или одиннадцать.

Приоткрываю глаза шире.

Артур сидит рядом, протягивает мне цветы одной рукой. А в другой руке — упаковка презервативов: синяя, знакомая.

Смотрю на него, потом на розы, потом на презервативы.

И не знаю, плакать мне или смеяться.

Глава 6. Татушка

Настя

Лежу и смотрю на мужа, на розы. На синюю упаковку презервативов в его руке. Пытаюсь решить, что чувствую — обиду или облегчение, злость или… нежность.

Все одновременно, и от этого коктейля в груди становится тесно.

Артур не дает мне додумать.

— Настя, что ты на меня так смотришь? — произносит он негромко, с легкой усмешкой, которая плохо скрывает усталость. — Ты ведешь себя так, будто меня не двадцать минут не было, а как минимум всю ночь где-то шлялся… Хватит уже, иди ко мне.

Он кладет покупки на кровать, освобождает руки и манит меня к себе.

Осторожно выбираюсь из-под одеяла, усаживаюсь на край кровати — так, чтобы между нами оставалось немного пространства. Обиду просто так не задвинуть. Она еще тут, жжет изнутри.

— Зачем ты так показушно ушел? — тяну я с упреком. — Еще и без телефона…

— Я разозлился, — пожимает он плечами. — Могу я разозлиться вообще?

Хочется сказать: «Можешь, но не уходить же вот так из дома». Но я сдерживаюсь и спрашиваю:

— Тогда зачем с цветами вернулся?

Артур молчит пару секунд, трет затылок — этот его жест мне отлично знаком. Так он делает, когда собирается сказать что-то важное, но не знает, с чего начать.

— Я думал просто в аптеку зайти, — говорит муж наконец. — Но пока шел… В голове почему-то начало крутиться, как мы с Арамом мать в детстве изводили.

Мгновенно превращаюсь в слух, потому что тема очень злободневна.

— Нам лет по семь было, наверное, — продолжает он, и в голосе появляется что-то теплое. — Мать ушла в магазин, оставила нас с бабушкой. А бабушка задремала. Арам говорит: давай порисуем. Я говорю: давай. Только бумаги мы не нашли. Зато нашли мамины новые обои — она их купила, но еще не успела поклеить, они в рулонах в коридоре стояли. Мы их развернули прямо на полу и давай работать. Фломастерами. Я рисовал машины, Арам — каких-то монстров. Старались, между прочим. Когда мать вернулась, мы ей с порога: смотри, мы украсили! Она стояла и молчала так долго, что нам даже страшно стало.

Я улыбаюсь помимо воли.

— Это еще что, — качает он головой. — Однажды мы решили проверить, что будет, если смешать все мамины духи в одном флаконе. Она нас потом три дня от себя гоняла. Гово-

рила, что мы пахнем, как химчистка при пожаре. А в другой раз мы ей каблуки со всех туфель дедушкиным топором отрубили, чтобы она ноги не портила. Увидели по телевизору, что это вредно… Ох и досталось нам на орехи от отца, ему ведь новые туфли покупать пришлось. А денег тогда было не сказать чтобы много. Долго вправлял нам мозги… И за то, что топор с дачи стырили, — тоже.

Он тихо смеется.

— Мать наша терпеливая очень, — добавляет Артур после паузы, а потом резко серьезнеет: — Но я помню, как иногда видел ее лицо. Вот такое лицо. — Он делает какое-то неопределенное движение руками. — Когда она уже на грани, а мы не понимаем.

Смотрит на меня.

— В общем… Если близнецы с тобой похожее творят, то я понимаю, почему ты так реагируешь. — Он протягивает руку, убирает с моего лица прядь волос. — Иди ко мне, расскажи, что они сделали с няней?

Я сдаюсь.

Потому что как тут не сдаться, когда он идет навстречу с широко распахнутой душой.

Пересаживаюсь ближе, подтягиваю ноги под себя.

— Они собрали все свои машинки и обстреливали ее, — говорю я устало. — Буквально. Как из катапульты запускали. А некоторые машинки, между прочим, тяжелые — металлические. Она просила их не бегать, они в ответ начали играть

в футбол в гостиной. Еще пытались устроить вулкан из ее сапога — что-то там нахимичили, насмотрелись в ВК видео.

Артур долго молчит.

— М-да… Жесть какая-то. — Он почесывает подбородок. — Может, няня просто плохая была?

Я смотрю на него долгим взглядом.

— Думаешь, дело в няне? Сколько мы их сменили — неужели все плохие? Нам уже почти в открытую отказывают в агентстве. А все потому, что Тимур с Русланом считают, что мы ругаемся из-за нянь. Ты что-то такое им говорил? Потому что я — нет.

— Я так тем более, — мотает он головой. — Не переживай насчет близнецов, я с ними разберусь.

Потом он чуть приобнимает меня за плечи и произносит совсем другим, мягким тоном:

— Завтра нас ждет отличный день, ведь Арам с Лизой приезжают.

— А когда? — Приподнимаю голову.

— Они уже в Краснодаре. Завтра с утра созвонимся, вечером все вместе к отцу на день рождения. — По его тону понятно — явно доволен, что может мне это предложить. — Пообщаешься со своей подругой. А близнецов я беру на себя, и Улю тоже. Тебе не придется с ними возиться, морально отдохнешь.

Я ничего не отвечаю.

Просто сижу и чувствую, как что-то внутри медленно от-

пускает. Как будто кто-то ослабил тугую пружину в груди.

На меня так действует даже не сам факт, что Артур обещает провести с нами день. А то, что ему не все равно, как я себя чувствую. Что я в его жизни еще что-то значу.

Прижимаюсь к нему. Трусь щекой о его щеку. Чувствую тепло его кожи, легкий запах геля для душа, который не успел до конца выветриться.

Никаких чужих духов.

Только он.

Руки мужа ложатся на мою талию — сначала осторожно, потом увереннее.

И тогда Артур целует меня.

Его поцелуй невероятно нежный и в то же время страстный — как будто он одновременно просит прощения и дает понять, что никуда не делся, что он здесь, что я его. Язык моментально скользит в мой рот, и я забываю, что собиралась еще немного подуться.

Млею от того, с каким желанием он меня целует, не удерживаюсь от стона, когда он ведет губами по моей щеке, шее. Отводит в сторону бретельку топа, целует впадинку на ключице — медленно смакует, как будто это самое вкусное, что есть в мире.

По коже привычно бегут мурашки, и я таю от его прикосновений, теряю нить любых разумных мыслей.

Артур тянет меня к себе и усаживает на колени.

А потом снова поцелуй в губы — но уже далекий от неж-

ности. Настойчивый. Требовательный. Такой, что перехватывает дыхание.

— Я люблю тебя… — выдыхает он в мои губы и снова нападает на мой рот.

И я люблю — всем сердцем, без остатка.

Все в моей жизни крутится вокруг него — моего первого и единственного мужчины, мужа. Того, кто злит меня до слез и в следующую секунду приносит розы. Без которого я себя попросту не представляю.

Сейчас в темной спальне за закрытыми дверями мы с ним не родители троих детей, не вечно занятый бизнесмен и вымотанная домохозяйка. Мы — два голодных любовника. С ума друг по другу сходим.

Мне сладко от его ласк, а между ног настоящий пожар.

Артур резко прерывает поцелуй, снимает меня с колен, ставит перед собой на пол. Секунда — и мой топ летит в сторону, следом муж одним движением стаскивает с меня шелковые шорты. Целует ложбинку между грудями, медленно проводит ладонью по животу — словно изучает заново, словно не видел тысячу раз.

А потом так же резко разворачивает меня к себе спиной.

Чувствую, как его губы касаются моего позвоночника — и медленно, очень медленно скользят вниз. К пояснице. К тому самому месту.

— Татушечка моя… — хрипит он возбужденно.

И снова целует — бережно, почти благоговейно — то са-

мое место у основания поясницы, где вот уже десять лет живет бабочка. Сине-зеленые крылья, тонкие линии. Когда-то даже пожалела, что сделала, хотела свести, но он не дал.

Кто бы мог подумать, что татушка, набитая в старших классах просто из юношеского бунтарства, окажется тайным фетишем моего мужа. У нас ни единого раза не обходится без этого ритуала — он всегда находит ее. Всегда. Как будто она его притягивает.

И каждый раз от прикосновения его губ к тому месту у меня подгибаются колени.

Глава 7. Семь я

Настя

Просыпаюсь от странного ощущения — кто-то аккуратно тянет мою руку вверх, продевает ее в рукав. Приоткрываю глаза. Артур. Натягивает на меня ночнушку!

Потом муж деловито, сосредоточенно надевает на меня трусы, при этом выглядит так, как будто это самое важное занятие в мире.

Смотрю на часы.

Шесть утра.

— Зачем так рано? — тяну я сонно, и голос у меня такой, будто говорю из-под воды.

Мало того, что муж поздно пришел, так мы еще два часа занимались сексом. Честных два часа. Поэтому сейчас я нахожусь как будто между двумя мирами: не могу ни до конца проснуться, ни встать, но уже вроде как не сплю. А между ног до сих пор тихо пульсирует от всего, что Артур со мной делал.

— Натягивай ночнушку давай, а то близнецы припрутся, а ты голая…

О да. Они могут.

И никакие заветы вроде «К папе с мамой без стука нельзя» на них не действуют от слова «совсем». Тимур и Руслан

воспринимают закрытую дверь как личный вызов.

Поэтому позволяю Артуру меня одеть — не возражаю, просто лежу и жмурюсь. Но когда он заканчивает, никуда не встаю. Снова заворачиваюсь в одеяло.

— Пойду организую завтрак, — шепчет муж, — а ты отдыхай.

Ого.

Ничегошечки себе.

Я точно дома? Со мной точно Артур?

Даже не помню, когда он в последний раз занимался завтраком. Его максимум — это забронировать столик в ресторане и безнадежно туда опоздать.

— Спи, — шепчет он и оставляет влажный поцелуй у меня на щеке.

«Спасибо», — тяну про себя, потому что даже говорить толком не в силах.

Как прилежная девочка, выполняю распоряжение супруга на пять с плюсом — моментально проваливаюсь обратно в сон. Дремота охватывает со всех сторон, сладко-сладко обволакивает, как теплый плед. Хорошо, тихо, уютно. Никто не кричит, не стучит, не требует…

По ощущениям проходит секунда-другая.

И вдруг — удар в дверь. Такой, что, кажется, дверная рама жалобно вздрагивает.

— Мама! Вставай, все проспишь!

Не знаю, кто это.

Судя по интенсивности — двое. Тимур и Руслан, явление в двух экземплярах.

Смотрю на часы — семь утра.

Ого, вот тебе и прикрыла глаза на секунду-другую, прошел час…

Дверь распахивается прежде, чем я успеваю что-то сказать. Два живых снаряда влетают в спальню, включают свет и прыгают на постель — в районе моих ног, потом чуть выше. Стаскивают одеяло.

— Па-апа завтрак сделал! — кричит Руслан прямо мне в ухо.

— Там вкуснотища! — вторит Тимур с такой интонацией, будто сообщает о втором пришествии.

Они тянут меня за руки — чуть ли не за шиворот. И, что страшно, им это уже почти по силам. Еще год, и будут выносить меня из спальни физически. Сопротивляться бесполезно.

Нехотя сползаю с кровати.

Бреду в ванную на автопилоте. В зеркале вижу свое помятое лицо и спутанные волосы. Наскоро принимаю душ, чищу зубы, расчесываюсь и кутаюсь в махровый халат — тот самый, большой, белый, в котором можно спрятаться целиком.

Иду на кухню.

И замираю на пороге.

На кухонном столе пир. Пицца в открытой коробке, еще дымящаяся. Наггетсов аж шесть упаковок. Круассаны, явно

из пекарни в соседнем доме, — с хрустящей корочкой и характерным запахом сливочного масла, который я узнаю за версту. Какие-то маффины. Что-то еще в фольге.

И посередине всего этого великолепия — двухлитровая бутылка колы. Еще фанта, спрайт.

Артур стоит рядом с таким видом, будто только что покорил Эверест: довольный, гордый. Руки в стороны — вот, мол, смотри.

Уля уже сидит на своем стуле и методично поглощает наггетсы — молча, сосредоточенно, с таким аппетитом, будто до этого момента ее три дня не кормили. Один наггетс. Второй. Тянется за третьим.

Близнецы плюхаются на стулья и немедленно атакуют пиццу.

Не удерживаюсь.

— Сам готовил? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально. — Обещал же, что приготовишь завтрак сам.

Артур поднимает палец.

— Э, нет. — Он улыбается широко, совершенно без тени смущения. — Я сказал, что *обеспечу* завтрак. А это, дорогая моя, разные вещи. — Обводит стол рукой. — Нравится?

Я смотрю на колу. На наггетсы. На пиццу с явно не самым полезным составом.

— Ты про их аллергию забыл?

— Разочек-то можно, — отмахивается он легко. — Не

будь цербером.

Разочек.

Я смотрю на него и думаю: да, разочек — это было бы прекрасно. Но близнецы неостановимы. Я уже не даю им карманных денег, но они их откуда-то берут — подозреваю, родственники снабжают втайне от меня. В школьной столовой покупают все что хотят, и результат всегда налицо — красные пятна на щеках, Руслан чешет запястья, у Тимура слезятся глаза.

Хочу напомнить об этом Артуру, объяснить, что «разочек» в нашем случае давно превратился в систему.

Но тут смотрю на Улю.

Она тянется за четвертым наггетсом, и на лице у нее такое безмятежное, чистое счастье, что у меня не хватает духу остановить это пиршество. Близнецы хохочут над какой-то своей шуткой, брызги колы на столе, Тимур тычет в Руслана куском пиццы.

Дети просто в восторге.

И мне не хочется разрушать это.

— Твой кофе, милая, — с улыбкой говорит Артур.

В руках у меня оказывается бумажный стакан с логотипом кафе, что располагается в соседнем доме. Капучино. Я чувствую запах: теплый, сливочный, с легкой горчинкой.

Улыбаюсь Артуру.

Сажусь с краю — туда, откуда видно всех сразу, — и просто наблюдаю. Пью кофе маленькими глотками. Близнецы

наперебой рассказывают что-то про свои сны, Уля тянется за круассаном, Артур садится рядом с близнецами, смеется над историей Тимура.

Вот оно, думаю я. Вот оно — то самое семейное утро, которое я так хотела. И фиг с ним, что не идеальное, с неправильной едой. Я позже поговорю об этом с Артуром.

А потом вдруг замечаю это.

Артур одет не в домашнее.

Черная выглаженная рубашка, брюки. Часы на запястье. Офисный вариант, сомнений ноль.

Я медленно опускаю стакан.

— Э-э… А ты куда собрался?

Он смотрит на меня с тем особым выражением: чуть виноватым, чуть ласковым, чуть уговаривающим, которое я давно научилась считывать.

— Настен, ты только не обижайся, — начинает он, и голос становится чуть мягче, чуть тише.

Так он говорит с детьми, когда хочет объяснить что-то неприятное.

— Мне в офис надо, совсем край. Там китайцы наштамповали какой-то лютый брак и прислали нам. Надо разобраться, иначе наши партнеры затребуют неустойку. Отец поручил мне, у него после вчерашнего голова болит. Ты ж не обижаешься, да?

Я молчу секунду.

Нервно сглатываю.

— А как же… день вместе? — спрашиваю тихо.

Ненавижу себя за то, что мямлю сейчас.

— Вечером будем вместе. — Артур пожимает плечами как ни в чем не бывало.

— А помочь с близнецами? — нервно выдавливаю из себя.

— Не беспокойся, любимая. — Он уже встает из-за стола. — Я обо всем позаботился.

И тут раздается звонок в дверь.

Артур бросает на меня быстрый взгляд — довольный, почти торжествующий — и уходит в прихожую. Слышу, как открывается замок, как в коридоре начинается движение, голоса, шарканье ног, детский смех.

— О, вот и помощь! — доносится его голос. — Самые лучшие няни в мире в твоем распоряжении, Настен!

Я сижу и жду.

На кухню входит свекровь с сумкой через плечо, улыбается, оглядывает стол одобрительно. За ней Каролина — старшая сестра мужа. И девятилетняя сестра Анаит, которая немедленно бросается к Уле с радостным воплем. А еще бабушка Артура — куда же без нее?

Шум утраивается. Близнецы срываются со стульев, начинают что-то объяснять Каролине обоими ртами сразу. Свекровь скидывает сумочку на спинку стула, уже командует что-то насчет чая.

Я смотрю на все это и обалдеваю.

Ну да, ну да.

Проще маме позвонить, чем самому остаться.

Я даже не успеваю поздороваться толком — Артур уже спешит в прихожую, надевает пиджак. Иду за ним.

— Я думала, мы…

Не успеваю закончить.

Он сгребает меня в объятия так резко и так крепко, что у меня перехватывает дыхание — буквально, я не могу вдохнуть, он держит слишком сильно. А надушился-то как, от запаха его одеколона хочется чихнуть. Щекой чувствую жесткую ткань пиджака.

Потом он целует меня.

И говорит — прямо в губы, почти не отрываясь:

— Вечером увидимся. И не вздумай опять обижаться. — Пауза. — Мама тебе со всем поможет, она влегкую справится. Кстати, вдогонку к нашему вчерашнему разговору. Вопрос с няней я решу, тебе будет проще. Но четвертый ребенок будет, я так решил. Это понятно?

Он не ждет ответа.

Ему он не нужен.

Дверь закрывается, и я остаюсь в прихожей одна. Стою и смотрю на закрытую дверь. За спиной шум кухни, голоса детей, смех Каролины, звяканье чашек.

А внутри тихое, мучительно знакомое ощущение.

Что мое мнение мужа не интересует.

Совсем.

Глава 8. Моя свекровь

Настя

Я не в силах покинуть прихожую.

Так и стою, прислонившись к стене, и смаргиваю слезы.

Все мои силы уходят на то, чтобы не разрыдаться в голос.

Потому что Артур на все наплевал!

Он же вчера обещал, что проведет с нами день! Или я не так все поняла? Но сегодня воскресенье… Воскресенье, черт подери. Неужели эта проблема с китайцами не могла подождать до понедельника?

Неужели я так много прошу? Чуть-чуть внимания, хоть иногда выходной со мной, с детьми…

Удивляюсь тому, как Артур понимает термин «помощь с детьми». Не самому, не дай боже, с ними пойти гулять, както их развлечь. Поговорить хотя бы о том, что они творили вчера с няней. Нет, зачем делать это все, когда можно пригласить весь женский состав семьи Григорян? Особенно его идеальную маму, которая, разумеется, со всем справится.

Он типа всем рассказал, что я не могу управиться с детьми?!

Представляю, как он их сюда зазывал: Настя зашивается, ничего не может, мам, помоги ей, у тебя же своих дел нет… Научи мою безрукую жену, как с детьми водиться.

А по поводу четвертого ребенка я вообще молчу. Вчера же объясняла.

С высокой колокольни наплевал!

Ишь ты, великий владыка всея семьи постановил, что четвертому ребенку быть.

А ты, свиноматка, вперед к станку, рожай еще. Давай… Больше!

Мне хочется закричать в голос.

Точнее даже не так — мне хочется выскользнуть из квартиры, поехать к Артуру в офис, хоть даже в этом самом халате, и устроить там ему отвратительную сцену.

Трус! Вместо того, чтобы как-то постараться меня понять или нормально поговорить, помочь с детьми, он накормил всех углеводами и усвистал в офис, предварительно позвав свою мамочку, чтобы прикрыла тылы. И чтобы великая обиженка Настя, которая, видимо, годна только для секса и деторождения, не устроила ему выволочку перед уходом.

В кого я превратилась…

А в кого он превратился!

За своими грустными мыслями я даже не замечаю, что в прихожей уже не одна.

Вздрагиваю от голоса Ульяны Владимировны:

— Настенька, что у тебя случилось? С Артуром поругались?

Она как всегда проницательна, ничего от нее не скроешь.

В этот момент я понимаю, что мне надо заткнуться, про-

глотить злые слезы. Улыбнуться, при этом постараться, чтобы улыбка выглядела не натянутой. А потом с дорогой душой развлекать гостей и доказывать, что у нас с Артуром все супер. Ну а как же может быть иначе, когда ее блистательный сын добился таких высот в фирме отца.

И вообще, негоже выставлять все напоказ, никому не нужно видеть наше грязное белье. И мать мужа — это последний человек, которому стоит на него жаловаться. Потому что она его слепо и безусловно любит. С детства потакала его желаниям.

— Да, поругались. — Шумно всхлипываю. — Он обещал мне помочь, но вместо этого ушел на работу.

Не хочу я ничего скрывать. И маску счастливой домохозяйки носить устала. Больше того, я так часто надевала ее на лицо, что эта маска совсем истрепалась.

Даже не осознаю, как отчаянно звучит мой голос.

Ульяна Владимировна тут же хмурит брови, спрашивает с беспокойством:

— А почему поругались?

Потому что он свинтус, каких мало, потому что он только о себе и своем комфорте думает, потому что он мнением жены только что подтерся три раза.

Но выдаю совсем не это:

— Потому что я, по всей видимости, хреновая жена. Не справляюсь со своими обязанностями, дети у меня растут вандалами, а помощи от мужа не дождешься. Наконец пото-

му, что я не такая как вы, мама! Я не идеальная, не умею совмещать дом, детей да еще и работу. Не чета вам, вы-то одной рукой махнете — и дом прибран, другой рукой махнете — и дети выросли, и никаких с ними проблем… Вы и красивая всегда, и ухоженная. И платьев у вас на каждый день в году, на шопинг времени явно хватает. Не дотягиваю я до вашего уровня, мама, слишком высокую планку вы задали. Вы-то со своими близнецами играючи справлялись…

Все это я произношу с обвинением, с диким расстройством в голосе, да к тому же со сжатыми от злости кулаками и красным лицом.

В душе понимаю, как ужасно звучат мои слова и как они несправедливы. Ведь я не имею никакого права предъявлять свекрови претензий. Она мне никогда ничего плохого не делала. Безмерно раненная ее сыном, я этими словами вымещаю злость на ней, хотя она и близко не виновата в моих несовершенствах.

Но Ульяна Владимировна почему-то не обижается на меня. Наоборот, она подходит, тянет ко мне руки, обнимает, а потом говорит с чувством:

— Господи, да кто ж тебе сказал такую удивительную ложь, что я с ними справлялась играючи? Ведь и близко нет…

Вот что называется — разрыв шаблона.

Чего-чего я ожидала услышать от свекрови, но не такого.

Пока Ульяна Владимировна меня обнимает, спешно пы-

таюсь уложить в голове то, что только что услышала. Не получается. Слова не складываются в картинку, которая у меня была раньше — идеальная мать моего мужа, все успевающая, везде справляющаяся, с улыбкой на губах, при этом красиво одетая и при макияже.

Киборг, а не женщина.

Ее прислали на планету Земля, чтобы унизить всех остальных женщин за их несовершенства, меня в частности.

Или нет?

Отстраняюсь, хлопаю ресницами. Смотрю на нее: у свекрови ровный тон кожи, морщинка между бровями, которая появляется, когда она говорит о чем-то важном, как сейчас.

— Как же так, мама? — спрашиваю тихо. — Как это вы с ними и близко не играючи справлялись?

Она чуть наклоняет голову, и в глазах у нее мелькает что-то похожее на усмешку — не злую, а такую, понимающую.

— А вот так, — говорит она теплым, немного уставшим голосом. — Близнецы всю душу из меня вынули, пока выросли. Что Артур, что Арам. Я, конечно, сама виновата — баловала их очень, потому что люблю без всякой меры. Но до чего шкодливые были дети, Настенька! Ты себе не представляешь. Я перекрестилась, когда им стукнуло восемнадцать.

Я открываю рот.

Закрываю.

— Артур другое мне рассказывал, — выдаю наконец. — Что вы с ними влегкую…

Ульяна Владимировна смотрит на меня с таким выражением, что я невольно умолкаю.

— Какое влегкую! — произносит она с отчетливым возмущением. — Много он знает, этот Артур! Когда маленькие были — глаз да глаз за ними нужен был, а не уследишь, так или подерутся, или побьют кого-то, или что-нибудь расколошматят. Прибить хотелось, честное слово! — Она произносит это без злобы, с такой интонацией, которая бывает только у человека, пережившего что-то и получившего право так говорить. — А сколько к директору меня вызывали в школу? Ни на что времени не было. Какой там шопинг! Даже порой в душ сходить не успевала.

Я невольно тянусь к стене, чтобы опереться. Что-то внутри меня щелкает.

— Как это? — спрашиваю. — А как вы работать умудрялись? У вас же кондитерская столько лет…

— Сколько? — Она качает головой. — Муж мне ее подарил, когда я четвертым ребенком забеременела, мне уже под сорок было. Артуру с Арамом тогда по пятнадцать лет исполнилось. А до этого дома сиднем сидела, Настенька. Обстирывала этих оглоедов, обкармливала, по дому крутилась, а они еще и недовольны были.

Она горько усмехается.

— И на работу меня не пускали, — вдруг признается свекровь. — Смешно вспомнить, но я втихушку работала, когда дети подросли. Не потому что денег не хватало — их как раз

было много, Григоряны мастера замаливать грехи деньжатами. Своего хотелось. Какой-то самореализации. Но то долгая история, может как-нибудь расскажу…

Я смотрю на нее, и мне кажется, что сейчас впервые вижу ее настоящую.

— Но разве Мигран Аветович не помогал вам с детьми? — осторожно спрашиваю я. — Артур говорил, что…

— Ой. — Она машет рукой так, что браслет на запястье тихо звякает. — Помощничек тоже мне нашелся. Знаешь, когда он помогать мне стал? Когда я четвертым забеременела и мы чуть не развелись. Вот тогда уж вовсю помогал, аж запомогался.

В ее голосе звучит выстраданная ирония женщины, которая давно отпустила все обиды.

Ульяна Владимировна продолжает:

— Когда молодые были, Мигран бизнес строил. Не до нас ему было. Придет вечером полумертвый от усталости, котлету съест — и спать. Все на мне было. Так уставала, что плакать хотелось. Прямо в ванной и плакала, чтоб никто не видел. И ты не думай, что идеально справлялась — ничего такого. Все было: и грязь по углам, и истерики, и ужины подгоревшие, и дети в слезах, и я в слезах вместе с ними…

Молчу.

Потому что я попросту в шоке.

— Вот это да, — выдыхаю наконец.

Ульяна Владимировна смотрит на меня по-матерински

мягко.

— Так что, — говорит она негромко, — если Артур будет тебе еще рассказывать, что ты какая-то недостаточно хорошая мать, что с детьми не справляешься, — шли его лесом.

И снова у меня разрыв шаблона. Еще бы — услышать от матери мужа совет послать его лесом!

А Ульяна Владимировна ничуть не стесняется своих слов. С умным видом продолжает:

— Прямо так и шли, и ничего не бойся. Кроме того, я хотела тебе сказать, что ты неплохо справляешься. Чистенько у тебя, дети ухоженные, Уленька так вообще ангелочек. А за разбитый аквариум не переживай, глупый был подарок, сейчас понимаю. К тому же, если проблемы какие, ты мне позвони. Я приеду, помогу.

Я смотрю на нее и чувствую, как что-то сжимается в горле.

— Да куда вам, — говорю внезапно охрипшим голосом. — Вы же работаете. И дочь у вас маленькая…

— Маленькая! — Она чуть улыбается. — Анаит уже девять лет, она сама уже может о себе позаботиться. Ну, почти. К тому же на работе я всегда могу взять выходной — кондитерская моя, не забывай. Кроме того, — она поднимает палец, — у нас ведь есть совершенно не работающая бабушка, которая до сих пор полна сил и энергии. Этой энергии на троих хватит.

Я представляю бабушку — монументальную, громогласную, с неизменным жутко ярким макияжем и таким взгля-

дом, от которого хочется немедленно принять правильную осанку, ну или забраться под стол.

— Я ее боюсь, — признаюсь честно.

Ульяна Владимировна негромко смеется.

— Я тоже боялась, — говорит она. — А потом она как-то раскрылась — и оказалось, что внутри очень хороший человек. Громогласная, это да, тут уж ничего не поделаешь, остается только принять ее такой, как есть. Привыкнешь и перестанешь замечать.

Я уже открываю рот, чтобы ответить, но не успеваю.

Потому что из глубины квартиры доносятся тяжелые уверенные шаги. А потом громкий голос спрашивает.

— Что это вы тут секретничаете?!

Бабушка возникает в дверях прихожей — она в своем неизменном красном платье, с ниткой крупных янтарных бус. А на лице такое выражение, как будто мы с Ульяной Владимировной только что устроили тайный заговор за ее спиной. Руки на бедрах. Взгляд строгий, почти обвиняющий.

— Настя, чего стоишь? — гремит она, и я моргаю. — Звони подружке своей! С правнуком хочу познакомиться. Страсть как хочу! Авось уже проснулись… Я Арамику звонила — так он трубку не берет, шельмец такой. Совсем стыд потерял.

Ульяна Владимировна переглядывается со мной — быстро, почти незаметно, и в этом взгляде столько всего, что я едва не улыбаюсь.

— Настя и правда позвони, — говорит она спокойно. — Попросись в гости. Заодно сама с подругой повидаешься, а мы с сыночком Арамика познакомимся.

И вот мы уже дружной компанией возвращаемся на кухню, где дети доедают остатки завтрака. Тимур дожевывает последний кусок пиццы с видом человека, выполнившего важную миссию. Руслан методично собирает крошки со стола и отправляет их в рот. Уля сидит на коленях Анаит, и они что-то тихо рассматривают вместе на планшете.

Беру свой мобильный.

Нахожу Лизу в контактах — и впервые за все утро чувствую какое-то облегчение. После разговора со свекровью меня отпустило. Отчего-то это очень успокаивает — знать, что я не одна такая с проблемами.

Лиза берет трубку после второго гудка. Спрашиваю, где она остановилась. Говорю, что хотим приехать — познакомиться с ее первоклашкой, повидаться.

Она приглашает в отель.

Кладу телефон на стол, и в этот момент свекровь наклоняется ко мне — совсем близко, почти к самому уху, так что я чувствую легкий запах ее духов.

— Вот что мы сделаем, — шепчет она быстро, заговорщически. — Уленьку и мою Ани с Каролиной оставим, она отвезет их к нам домой и развлечет. А близнецов возьмем мы с бабушкой — ей только дай с ними повозиться, она сразу расцветет. И сына Арамика заберем. А вы с подругой погу-

ляете спокойно. В спа сходите, на шопинг — развеетесь. А вечером — на день рождения к Миграну. Как тебе план?

Смотрю на нее с улыбкой.

Как по мне, план вполне себе восхитительный.

Глава 9. Лиза

Настя

Мы с Лизой подружились еще в первом классе. Как ни удивительно, но эта дружба жива до сих пор, хотя претерпела множество стадий…

Мы были не разлей вода вплоть до восьмого класса, а потом папа сбежал, навесив на маму кучу кредитов. Мне тогда как раз исполнилось пятнадцать. Мы с мамой продали нашу трешку в Ростове и перебрались в Краснодар, подальше от проблем.

Но из-за моего переезда дружба с Лизой не закончилась.

Мы переписывались, созванивались, были близки духом, хотя и не виделись совсем.

А когда мне стукнуло восемнадцать, близнецы Григоряны устроили на меня настоящую охоту. Казалось, готовы были поубивать друг друга за возможность сделать меня своей. Я совсем не ожидала от них того, что втихушку пригласят мою же подружку на мое восемнадцатилетие, притащат ее из Ростова в Краснодар.

Очки себе в моих глазах зарабатывали.

Но главное — я снова встретилась с Лизой, и была этому очень рада.

Когда собралась замуж за Артура, у меня не стояло вопро-

са, кого позвать в подружки невесты, ведь новой задушевной подруги у меня так и не появилось.

Пригласила Лизу в Краснодар.

Я не знала, что тем самым оказываю ей медвежью услугу и что брат моего мужа уже положил на нее глаз. Тем более не думала, что Арам так ужасно с ней поступит, лишит невинности, а потом опозорит на весь отель, обозвав блядью.

Это вскрылось лишь позже. К тому моменту Лиза прекратила со мной всякое общение. И я лишь задним числом узнала почему.

Ей не хотелось иметь ничего общего с Арамом Григоряном и его семьей. А поскольку я стала частью этой семьи, ей стало некомфортно со мной общаться.

К своему стыду, я это даже не сразу заметила, слишком занятая учебой, беременностью, а потом своими шкодливыми близнецами.

Пыталась наладить связь, но все впустую.

Я успокаивала себя тем, что так бывает, что люди меняются и находят новых друзей. Что у такой, как Лиза, знаменитой фотомодели, уж конечно появились другие интересы. Давила в себе горькую мысль, что попросту стала ей неинтересна. И совсем не знала, что, отдалившись от меня, Лиза пытается скрыть тайную беременность от Арама. Она думала, я скажу брату мужа про ребенка, если она со мной поделится. Ей казалось, безопасней отрезать меня совсем.

Обиделась ли я?

Очень.

Но не за то, что Лиза меня отрезала, а за то, что не доверилась.

А впрочем…

Я понятия не имею, как на ее месте поступила бы сама, учитывая всю их с Арамом драматическую предысторию. Так что кто я такая, чтобы ее винить?

Как только Арам узнал про ребенка и нагрянул в Ростов качать отцовские права, мы с Лизой возобновили общение. У нас состоялся откровенный разговор обо всем, целый час на телефоне висели. Тогда-то она и сказала, что все эти годы очень скучала, и раскрыла причину того, почему прекратила со мной общаться. Теперь опять дружим. Пусть той близости, что раньше, и близко нет.

Но…

Арам привез ее в Краснодар на юбилей отца.

И я очень-очень рада ее видеть.

Нам повезло провести вместе день.

Смотрю на Лизу и не могу насмотреться. Она такая, какой мечтала быть я. Успешная, красивая, во всех местах ухоженная. Квартиру с мамой купили новую сами, ремонт сделали, машина у нее тоже на свои деньги купленная. Но главное — она абсолютно независимая.

Она все это осуществила, будучи такой же мамой, как и я. Только помощи в виде мужа у нее не было — все сама.

Правда, у нас с Лизой разные вводные. Она живет в Ро-

стове со своей мамой, которая принимает активное участие в воспитании внука и во всем ее поддерживает. А моя мама, например, слилась, как только узнала о моей беременности. Ни о какой поддержке речи не шло. Я ее уже семь лет не видела.

И ребенок у Лизы один, причем совсем не шкодливый, по ее словам.

Подруга делает что хочет и живет как хочет, и никто ее мнением задницу не подтирает.

Пусть мне за это стыдно и зависть моя белая, но я все-таки немного завидую Лизе.

Завидую тому, какая она — в ней чувствуется внутренняя сила, которую я где-то растеряла, а может и не было ее у меня никогда.

Лиза — уверенная в себе молодая женщина, перед которой открыт мир. И вот это вот все она хочет променять на брак с Григоряном…

Арам нормальный парень, это да, но повадки у него точь-в-точь как у моего Артура. А это значит, что Лиза очень скоро узнает на своей шкуре, каково оно, когда твое мнение не важно.

Хотя, может, у нее по-другому будет, потому что она сама другая.

На фоне ее я кажусь себе жалкой неудачницей, домашней клушей, которая не то что карьеру, даже нормальные отношения с мужем построить не смогла.

После вчерашнего вечера и сегодняшнего утра мне вообще кажется, что Артур замечает меня, только когда хочет секса. Ну и для галочки, что, мол, есть жена рядом, все хорошо. За детьми следит, дома шустрит. А что там у нее на душе — это уже дело десятое и никого не волнует. Его, по крайней мере, уж точно.

Артур плевать хотел на мои желания, да и на мнение тоже. И осознание этого меня душит.

Впрочем, Лиза в моих бедах уж точно не виновата.

Даже несмотря на мое препоганое настроение, день с подругой выдался божественный. Ульяна Владимировна выполнила обещание, взяла моих детей под крыло, заодно и сына Лизы. И мы целый день гуляем вдвоем. Сделали маникюр с педикюром, массаж, сходили в парикмахерскую.

Шутки ради одинаково подстриглись, ведь обе блондинки, и фигурой и даже лицом друг на друга похожие. Нам идет одинаковое, даже платья купили один в один: пыльно-розовые, подчеркивающие фигуру, с аккуратным декольте. Туфли купили, белье и еще много разного, в общем с толком провели день.

Но время, к сожалению, не резиновое.

Я подвожу Лизу до отеля, помогаю затащить ее покупки в номер.

И вот, когда карета вот-вот должна превратиться в тыкву, то есть я должна ехать за детьми, Лиза мне вдруг говорит:

— Даже не думай ехать за своими оглоедами. Ты сейчас

слишком для этого красива. Езжай к мужу мириться, пусть увидит, какая ты, и оценит. Может, уже сегодня будет слезно просить прощения за свое говняцкое поведение. Заодно вспомнит, за что он тебя так сильно любит. Ведь любит же, Насть, иначе на кой бы ему нужен был от тебя четвертый ребенок.

Не знаю, почему слушаюсь Лизу. Сердце все еще сжимается от ужасной обиды на Артура за то, что бросил меня одну, хотя наобещал столько всего.

Беру и еду…

Паркую машину на почти пустой парковке, примечаю джип мужа — видимо, забрал из ремонта.

Я вспархиваю на нужный этаж, вся такая воздушная и красивая, в кои-то веки не замученная детьми, с маникюром, макияжем и даже прической.

Победным маршем прохожу по совершенно пустому коридору головного крыла компании.

И что же я вижу, когда попадаю в приемную Артура?

Да-да, из-за двери его кабинета выплывает Анна Стерва Маркова… Запах ее отвратительного парфюма моментально бьет по моим обонятельным рецепторам.

Причем едва меня заметив, она спешно застегивает пуговицы на своей полупрозрачной блузке.

Вижу это ее движение и торопею. Оно настолько явное и показушное, что вводит в ступор.

Она чует, что произвела впечатление, и добавляет сладко-

вато-приторным голосом:

— Здравствуйте, Анастасия Дмитриевна. Слишком вы поздно… А впрочем, что ни делается, все к лучшему…

При этом смотрит на меня, как на низшее существо.

Не объясняет смысла своей реплики и уходит, оставив меня хлопать ресницами.

Пазл в голове мгновенно складывается: пустая приемная, да что там, пустой этаж! Зато мой муж на месте, и эта стерлядь тоже. Как бы случайно она наедине с Артуром в его кабинете. Показательно застегивает блузку на выходе и говорит, что я поздно… А приди я раньше, какую картину застала бы?

Отказываюсь верить в очевидное, хотя меня в это очевидное носом пихают.

На подкашивающихся ногах иду в кабинет Артура, захожу без стука и вижу, как он надевает рубашку.

После чего?!

— Настя, что ты тут делаешь? — спрашивает он.

Действительно… Что я тут делаю?

Глава 10. Один взбешенный муж

Настя

Я смотрю на мужа и удивляюсь тому, как невозмутимо он выглядит.

В то время как я давлюсь от диких, совершенно безумных подозрений, он как ни в чем не бывало застегивает манжеты рукавов. Методично, спокойно, будто это так и надо — щеголять без рубашки перед сотрудницей, которая вьется вокруг него. Впрочем, он ведь наверняка и без штанов перед ней щеголял. А я и вправду пришла поздно, не застала всего этого беспредела.

Кабинет отвратительно воняет ее духами — все вокруг.

Этот запах проникает в легкие, скручивается в груди в тугой узел.

Стою возле стола Артура в своем новом розовом платье, с укладкой и маникюром, и чувствую себя полной дурой. С мужем пришла мириться, ага…

Все мое существо заполняется такой лютой злостью и обидой, что даже вдохнуть толком не могу.

Будто со стороны слышу свой истеричный возглас:

— Давно ты с ней спишь? Значит, пока я вожусь с близнецами, пытаюсь как-то справиться, ты тут…

— Настя, ты опять? — Артур резко меня перебивает.

В его голосе звенит даже не злость, а именно усталость. Как от человека, который давно надоел, но никак не может этого понять.

— Две сцены ревности за одни выходные — это перебор даже для тебя, — продолжает он резким тоном.

— Перебор?! — стону я на выдохе. — А без рубашки перед этой выдрой разгуливать — не перебор?

Он вздыхает. Смотрит на меня, как на капризного ребенка, которому нужно объяснить простую вещь.

— Ты бы сначала спросила, в чем дело, прежде чем орать. Аня принесла пирожные. Я уделался кремом, она помогала мне его оттереть. Все.

Господи, какая кособокая и уродливая ложь. На столе даже коробки от пирожных нет, как и тарелок.

Уделался он. Кремом. Ага, ага, и, конечно же, Аня поспешила помочь — заботливая такая, прямо мать Тереза в полупрозрачной блузке. Заодно, видимо, и саму блузку сняла, чтобы быть с руководством на одной волне. Не губами ли она случайно пыталась оттереть этот злосчастный крем? Или какими другими местами?

— А штаны она тебе тоже оттирала? — тут же взвиваюсь я. — В районе промежности? Или вы так, по-свойски, без них справились?

— Настя, — бросает Артур с раздражением. — Какие штаны? Что с доверием вообще? С каких пор у тебя закралась мысль, что я буду изменять?

— С тех самых, — говорю я, — когда ты дома почти прекратил бывать.

— И что? — Он разводит руками. — Я работаю.

— Работаешь, — шиплю я с сарказмом. — Ох ты бедный, несчастный трудоголик. В офисе никого — я в коридоре ни одной живой души не встретила. Зато Артур Григорян, ударник производства, тут как тут, да еще в паре с Анной Марковой, работу работают, голые. Смотрите не заработайтесь, бедолаги!

— Она была в одежде, — говорит он.

Ожидает, что поверю?

— Я видела, как она застегивалась, когда выходила! — Моментально срываюсь. — Прямо передо мной! Торопливо так, пуговку за пуговкой…

— Что ты там видела? — иронично хмыкает он. — Не придумывай. Не могла ты ничего видеть, потому что не было ничего. Тебе серьезно лечиться надо. К психологу сходи, проработай свою маниакальную ревность.

Маниакальную.

Может, Артур еще в сумасшедшие меня запишет? Типа я все придумываю от скуки, или мне все мерещится?

— Ага, конечно, я буду сидеть у психолога, пока ты с этой выдрой пирожные ешь. Без одежды.

— Настя, немедленно прекрати! — требует Артур командным тоном. — Я таких закидонов терпеть не буду.

— Я больше не могу. — Хочется кричать, но вместо это-

го я говорю тихим, сдавленным голосом. — Больше не могу жить в таком режиме. Когда ты сутками на работе, с этой…

— А придется терпеть, — отрезает Артур холодно. — Потому что у тебя нет выбора.

Он подходит ко мне почти вплотную, нависает и продолжает с нажимом:

— Настя, заруби себе на носу, в ближайшие десять лет я собираюсь построить такую карьеру, что каждая собака мне будет завидовать. Через пять-десять лет отец уйдет на покой. И от того, как я проявлю себя сейчас, будет зависеть, кому он передаст кресло генерального. Это должен быть я. И уж тогда развернусь на полную катушку.

В глазах у Артура загорается что-то такое, отчего мне становится не по себе.

Он как фанатик сейчас, никого и ничего не видит, кроме своих целей и желаний.

— Про Арама забыл, — тихо подмечаю. — Может, отец его усадит в это кресло.

— А где сейчас Арам? — Артур усмехается резко и коротко. — Личные проблемы решает. Зато я здесь, разгребаю завалы. И отец это видит. Он видит, как качественно и много я батрачу. И если для того, чтобы заполучить кресло генерального, мне нужно будет ночевать на работе — я буду ночевать.

Что-то во мне обрывается. Тихо и окончательно.

— С Анной Марковой? — спрашиваю я надломленным

голосом.

— Даже не начинай. — Артур щурит глаза. — Больше ни одной ревнивой выходки от тебя не потерплю. И уясни для себя уже, ты вышла замуж не за простого парня, чей потолок — работать менеджером средней руки в сраной фирме по продаже окон. У меня есть амбиции. А для их реализации необходимо вкладывать титанические усилия. Ради будущего я готов пожертвовать многим. Буду вкалывать сутки напролет, если потребуется. Буду ездить в командировки, искать новые каналы сбыта. Увеличу обороты, обеспечу поставки, построю новый бизнес-центр. Я сделаю это все и даже больше. Добьюсь в разы большего, чем отец. Он еще будет мной гордиться. Вся семья будет, вот увидишь, Настя.

Я молчу секунду, две.

Задаю вполне закономерный вопрос:

— А где в твоем гениальном плане место для меня?

Он смотрит на меня, как на идиотку, которая не понимает очевидных вещей.

— Твое место дома, — отвечает просто. — Всегда дома. Где же еще?

Дома.

Дома, где он уже почти не бывает. Где я кормлю, стираю, укладываю, успокаиваю, не сплю ночами. Куда он приходит лишь затемно, спит со мной, зачастую даже не ужинает, а рано утром опять уходит. Причем, судя по его настрою, скоро муж станет бывать дома еще реже.

В его жизни будут великие свершения, важные деяния, поездки, командировки, Анны Марковы. А ты, Настя, полежи на полочке, подожди, пока он завоевывает мир. Авось не протухнешь и не запылишься. И возможно, Артур про тебя когда-то вспомнит. Но это не точно.

Как никогда ясно понимаю, что через пять-десять лет такого режима я просто перестану для него существовать.

— Я хочу развода, Артур.

Эти слова выпрыгивают из меня, их никак не удержать.

Они повисают в тишине его кабинета и вдруг меняют все.

Артур мгновенно взрывается:

— Ты охренела?! Быстро извиняйся. Сейчас же.

— А ты не охренел так себя вести?

— Думаешь, я позволю тебе такие выкрутасы?

Он нависает надо мной всей своей массой, да с таким грозным видом, что невольно отступаю.

Артур продолжает со злобным видом:

— Сцены ревности на пустом месте, швыряние фразами про развод… Ты что о себе думаешь, Настя? Ты полностью от меня зависишь. И никуда от меня не денешься. Тебе даже рыпнуться некуда, будешь делать, как я сказал. Да если я захочу, то ты…

Что-то во мне ломается, будто бы даже слышу хруст.

Больше не могу продолжать этот разговор.

Резко разворачиваюсь и пулей вылетаю из кабинета.

Не хлопаю дверью. Не кричу напоследок. Просто сбегаю,

потому что больше не в силах его слушать.

Глава 11. Архитектор

Артур

Каждый человек сам строит свою жизнь.

Меня отец с детства учил — как запланируешь, сколько усилий вложишь, то и получишь на выходе.

И я строю свою жизнь с максимальной концентрацией и упорством, как он когда-то.

Фундамент у меня крепкий, родители вложились на славу. Хорошая школа, репетиторы, университет — все это у меня есть за плечами. Достойный багаж мне собрали во взрослую жизнь, всем, чем могли, помогли.

Теперь моя очередь проявить себя.

Каждый день потом и кровью я зарабатываю свое светлое будущее. Образно говоря, возвожу дом для своей семьи.

И в моей картине мира Настя — несущая конструкция!

Без нее все рухнет, останется лишь фундамент да покореженные стены.

Она ведь моя жена, без нее ничего невозможно.

Семья — главная ценность, так отец научил.

Настя и дети для меня все…

Ради них ведь стараюсь, жилы рву ежедневно, впахиваю по шестнадцать часов. Это все с прицелом на будущее, я обеспечиваю плацдарм, основу. Хочу, чтобы им сладко и

свободно жилось, чтобы ни в чем себе не отказывали. Чтобы дом в пригороде, поездки за границу, может детей в штаты учиться отправить. Хочу заработать такой капитал, чтобы и внукам досталось, никто обижен не был.

Стараюсь изо всех сил, на пределе своих возможностей.

А Настя, вместо того чтобы поддержать, потерпеть, что устраивает?

Это же уму непостижимо — развод ей подавай.

Она полоумная, что ли?

Всегда так было: на ней быт, дети, а на мне все остальное.

Это семь лет работало как часы. А сейчас что?

Что она творит вообще? О чем думает?

Да я лучше из окна выйду, чем с ней разведусь!

И дело даже не в том, что она обеспечивает мой тыл, нянчит детей. Дело в том, что я ее банально люблю.

Это чувство, как яркий маяк, освещает всю мою сознательную жизнь. Мы познакомились в пятнадцать, и вот с тех пор оно есть.

Я однолюб, давно это про себя понял, и только лишь поэтому все Настины задвиги по поводу гипотетической измены кажутся мне дикой чушью. Жена ведет себя так, будто не знает меня, хотя я ей сто раз все это говорил.

Не понимаю, что происходит. Я-то ее не ревную, почему она себя так ведет?

Уволить мне эту Маркову, что ли? Раз она так триггерит мою жену.

Но ведь толковый специалист, вкалывает и на работе, и дома, масштабные проекты выносит на своих хрупких плечах, очень работоспособная. У нас с ней чисто рабочие отношения, максимум немного приятельские, что неизбежно, если много контактируешь с человеком. Общие цели, идеи, идеалы, иначе она не задержалась бы тут так долго.

А даже если уволю…

Что помешает Насте ревновать меня к кому-то еще?

С нее станется, может даже приревнует к моей пятидесятилетней секретарше, которая досталась в наследство от предыдущего зама. Когда я сел в это кресло, не стал менять хорошего специалиста, ведь дело знает.

Сижу в своем кабинете, хотя давно пора дуть домой.

Но не могу, потому что в ушах все еще звенит Настино требование о разводе.

Беру со стола пустую пачку от влажных салфеток, все извел, чтобы оттереть рубашку, швыряю в мусорку, где покоится коробка от злосчастных пирожных. Угораздило же, а?

Подумаешь, рубашку в кабинете снял, это разве повод для жены требовать развода?

Не понимаю, как это могло заставить Настю вообще озвучить подобную мысль.

Это попытка мной манипулировать? Но зачем, я ведь и так ей все даю, приношу на блюдечке с голубой каемочкой.

И что будет дальше, если она уже сейчас себе такое позволяет?

Я думал — это чушь, когда слышал истории о том, что стоит карьере пойти вверх, как муж или жена начинают усиленно совать палки в колеса. Чужой успех раздражает.

Если один партнер летит, как ракета, вверх, второй порадоваться должен. Поддержать, обеспечить надежный тыл. Но не ставить заслонов, чтобы ракета разбилась к херам.

Что я такого сделал, чтобы Настя так себя повела?

Четвертого ребенка попросил? Охренеть, какое трудновыполнимое желание. А когда ей еще рожать, как не сейчас? Не молодеет же.

Надо как-то с Настей по-человечески поговорить, объяснить, что сейчас такой период, когда строится будущее. От того, как я постараюсь, будет зависеть, насколько успешным стану.

Ведь время — конечный ресурс, и его важно не упустить.

А если сейчас расслаблю булки, как подавляющее большинство моих одногодок, которых, кроме вписок и тусовок, ничего не интересует, какое будущее ждет мою семью?

Я рано повзрослел, рано женился и рано выставил цели, к которым стремлюсь. Но Насте необходимо понять, что мне нужны эти годы для того, чтобы добиться поставленных целей.

Когда все отстрою, возглавлю фирму отца, приумножу капитал, можно будет уже не выкладываться на все сто ежедневно. Тогда будет время для поездок, выходных с семьей и прочего.

Настя должна это все понять и поддержать.

Вот только, пока сижу здесь, ничего она не поймет и не оценит моих далеко идущих планов.

Домой пора — с женой разговаривать.

Внутренне морщусь, представляя еще одну сцену.

Но все-таки поднимаю задницу с кресла, иду на выход.

В офисе и вправду больше никого… Я последний, и это уже входит в привычку.

Спускаюсь на парковку, забираюсь в машину.

Только тут доходит — Настя и дети ведь могли уже уехать на юбилей отца.

Позвонить ей?

Звоню — не отвечает.

Это что за демарши такие? Она издевается, что ли?

Решаю проверить по геолокации, где она.

Активирую приложение, долго смотрю на точку, где находится ее мобильник.

Нет, Настя не дома, но и не в ресторане, где отец отмечает свой пятидесятилетний юбилей. Она в гостинице, что располагается в десяти минутах езды от офиса.

Какого хера она там делает?

Глава 12. Открытие

Артур

Я еду в отель, а в голове полный кавардак.

Горячий липкий ком из подозрений, домыслов и ощущений, которые я не могу толком назвать, потому что не привык к подобному.

Я всегда знал, куда еду, зачем и что будет в конце. А сейчас — не знаю ничего.

Вижу только точку на экране телефона.

Отель совсем недалеко, и я жму на газ.

В очередной раз пробую набрать Настю — гудки, гудки, потом автоответчик. Ее голос, записанный в спокойный день, говорит: «Оставьте сообщение после сигнала». Сигнал. Отбой.

Набираю снова, потому что разговор с автоответчиком меня совершенно не устраивает.

И снова облом.

— Да твою же мать, — ругаюсь вслух.

Впрочем, это совсем не помогает выпустить пар, ведь в машине никого и слушать мои ругательства некому.

Сколько раз я ей говорил. Сколько раз! Хоть на грудь себе телефон повесь, хоть скотчем к ладони примотай, но чтобы брала трубку всегда. Всегда была на связи.

Она же мать троих детей, мало ли что может случиться. Мобильник должен быть под рукой, и она должна быть на связи.

Но разве Настя слушает? Все ставит и ставит на беззвучный режим — снова и снова, методично, как будто специально.

Отмазки всегда одинаковые и всегда гениальные: то Улю укладывала и не хотела разбудить, то родительское собрание, то задремала сама с детьми. И убрать с беззвучного потом, конечно, забывает — само собой, кто же помнит о таких мелочах.

К слову, я подарил ей такой телефон, который и вправду на грудь повесить не стыдно. Последний айфон, чехол с настоящими бриллиантами, не дешевая китайская стекляшка, а настоящие камни. Потому что она заслуживает. Потому что хотел показать, что ничего для нее не жалею.

А она вот так со мной.

Требование о разводе прямо в лицо. Прямо как красную тряпку перед быком повесила и усвистала куда подальше. Видимо, чтобы пиздюлей не получить.

У меня до сих пор мушки перед глазами от той вспышки ярости, что испытал в тот момент.

Светофор. Красный. Я резко торможу, в очередной раз проверяю геолокацию.

Настя в том же отеле, не движется.

Сидит там, неизвестно чем занимается, а на мои звонки

не отвечает.

Игнорирует специально, я же чувствую!

Я бы решил, что она с Лизой, но Арам вчера утром хвастался, что собирается везти Лизу к себе, квартиру показывать, хвалиться своей драгоценной жилплощадью, ремонтом. Еще подкалывал, что мне бы тоже полезно затеять ремонт, как будто у меня есть на это время. В общем, вариант с Лизой отпадает.

Тогда что там делает Настя?

Кое-как нахожу место в подземной парковке. Ставлю машину криво, но на это мне сейчас решительно плевать.

Захожу в холл, иду прямиком к стойке, предъявляю паспорт, говорю, что ищу жену — Анастасию Григорян. Для убедительности кладу на стойку купюру — хрустящую, крупную.

Администратор, молодая девушка в униформе отеля, смотрит в монитор, потом на меня, выдерживает паузу, прежде чем выдать информацию.

— Анастасия Григорян номер не снимала. Но есть номер, зарегистрированный на Арама Григоряна.

Она почему-то с опаской на меня смотрит.

— Я недавно заступила на смену, но видела, как он прошел в номер за девушкой, блондинкой.

— Вот этой девушкой? — Я показываю ей фото Насти.

— Да, похожа, — отвечает она. — Только прическа такая… Локоны длинные… Розовое платье. Скорей всего, она

в номере с этим мужчиной.

Я слышу эти слова.

Каждое по отдельности понятное, а вот вместе не очень.

В груди что-то сжимается. Нехорошо, мерзко, как будто кто-то взял и медленно стиснул кулаком сердце.

Ладно, спокойно, Арам мне брат все-таки.

Настя могла просто захотеть с ним поговорить. Пожаловаться на меня, например, и спросить совета. Это глупо, но объяснимо.

Но если Настя решила поплакаться ему на жизнь, могла бы сделать это в кафе, могла бы вообще подождать до юбилея и поговорить там.

Почему она этого не сделала? Зачем переться вдвоем в номер?

Уже хочу набрать Арама и высказать все, что думаю по поводу этой их выходки.

Но неожиданно кладу телефон обратно в карман.

Что бы они там ни делали, я не буду предупреждать их о своем появлении звонком.

Поднимаюсь на этаж.

Коридор длинный, приглушенный свет, ковровая дорожка гасит шаги. Нахожу нужную дверь, поднимаю руку, чтобы постучать.

И тут слышу.

Сквозь дверь доносится протяжный женский стон. Медленный, тягучий, на выдохе. Потом еще один.

Я достаточно давно женат, чтобы знать, в какой момент Настя может издавать подобные звуки.

Замираю.

Тупо пялюсь на дверь.

Рука так и висит в воздухе, не донесенная до пункта назначения.

Мне очевидно, что в том номере занимаются сексом.

Жарко, активно — не скрываясь.

Как дебил, стою и слушаю. Как последний мазохист, с места не двигаюсь, потому что ноги вдруг прирастают к полу.

Никогда — ни разу за семь лет — я не представлял себе такой картины. Моя Настя с кем-то там. Это просто не укладывалось в систему координат, в которой я живу. Как не укладывается то, что Земля может быть квадратной.

Мое сознание отказывается это все признавать.

Это какая-то ошибка, глюк, обман слуха…

Да?

Я отступаю на несколько шагов назад, упираюсь спиной в стену и тихо сползаю на корточки.

Так и сижу, обхватив голову руками, потому что даже моргнуть не в силах.

Не знаю, сколько проходит времени, будто проваливаюсь в вакуум.

Краем глаза подмечаю, как в конце коридора появляется уборщица — пожилая тетка с тележкой.

В кровь резко впрыскивается адреналин, я подскакиваю,

иду к ней.

Хватает пары минут, чтобы убедить ее мне содействовать, пусть кошелек изрядно от этого худеет. Впрочем, сейчас мне решительно плевать на все деньги мира.

Карта-ключ переходит из рук в руки.

Я возвращаюсь к двери.

Подношу пластиковый прямоугольник к замку, он щелкает зеленым светом.

Тихо проскальзываю внутрь.

Стоны громче. Отчетливее. Реальнее!

От этого звука хочется разбить голову об стену.

Номер двухместный, и в большой комнате никого нет.

Приглушенный свет, разбросанные на диване подушки. На журнальном столике — телефон. Я узнаю чехол с первого взгляда: холодный блеск бриллиантов на розовом корпусе в полутьме.

Ее телефон.

Мой подарок.

Тот самый, с которого она не берет мои звонки.

Правильно, зачем? Она ведь занята гораздо более важными делами.

Дальше мое сознание работает вспышками, выхватывает лишь обрывки данных.

Вот на полу Настино платье.

Пыльно-розовое, с аккуратным вырезом — то самое, в котором она час назад стояла в моем кабинете и требовала раз-

вода. Оно лежит небрежно, сорванное с моей жены руками другого мужчины.

Я делаю еще несколько шагов — и через открытую дверь спальни в тусклом свете торшера вижу ее.

Настя стоит спиной ко мне. Ее светлые кудри струятся по обнаженной спине. Левая нога бесстыже закинута на плечо мужчины, стоящего перед ней на коленях. Мне видна часть его груди, его руки на ее талии.

Смуглые и крепкие — точь-в-точь как мои.

Арам.

Мой брат.

Очевидно, что он целует ее там, внизу…

Они слишком заняты друг другом и не замечают, что уже не одни.

Сознание снова плывет, и я выхватываю из этой уродливой сцены лишь одну маленькую, но такую важную для меня деталь.

Татуировку на белоснежной пояснице жены. Бабочка — маленькая, тонкая, чуть выцветшая по краям. Я целовал эту самую бабочку тысячу раз. Трогал ее, балдел…

И никто, кроме меня, больше не должен был ее видеть.

Никто. Больше. Не должен был!

В этот момент меня изнутри окатывает такой мощной волной ярости, что я, наверное, мог бы кого-нибудь убить.

Арама, например. Или ее…

Просто подойти и крутануть шею.

Но вместо этого я хватаюсь за дверь спальни и с силой ею бахаю, закрывая.

Не потому что хочу их напугать.

Просто чтобы больше не видеть.

Дальше толком ничего не помню. Ноги несут сами, и мне все равно куда.

Коридор, лифт, холл, парковка. Тело движется на автопилоте, а голова отключается.

Сажусь в машину, захлопываю дверь — звук получается слишком громким для подземной парковки, эхо отскакивает от бетонных стен и гаснет.

Завожу мотор и давлю на газ, выезжаю на улицу.

Город плывет за стеклом — огни, люди, машины, жизнь. Все как обычно. У всех все как обычно, кроме меня.

Мое «как обычно» только что разбилось вдребезги.

Жена, самая важная часть моего существования, женщина, без которой все рассыпается. Так я думал. Так я строил. Так я жил семь лет, уверенный, что фундамент нашей семьи надежный, стены крепкие, и все, что я возвожу, стоит на чем-то настоящем.

Настя — несущая конструкция моей жизни, которая только что рухнула.

Она мне больше никто.

Глава 13. Напалмом

Артур

Я выжимаю газ и лечу по краснодарским улицам.

Просто гоню — без маршрута, без цели.

Стрелка спидометра ползет вправо, в висках долбит от выброса адреналина, и только это позволяет мне продолжать худо-бедно дышать.

Городские огни размазываются в полосы, светофоры мелькают, и я проскакиваю их без раздумий — красный, желтый, снова красный. Где-то позади сигналят, но звук уже далеко, уже не имеет значения.

Ничего не имеет значения.

Улицы сменяют друг друга — знакомые, потом не очень, потом совсем чужие. Я не знаю, где нахожусь, и не особо пытаюсь выяснить.

Мысль приходит тихо, почти вкрадчиво.

Вот этот отбойник впереди. Если разогнаться по-настоящему и отстегнуть ремень прямо перед…

Я жму на тормоз.

Резко, до упора.

Машину ведет, шины скребут асфальт, меня бросает вперед, упираюсь руками в руль. Останавливаюсь посреди полосы. Сзади снова сигналят — длинно, злобно. Мой джип объ-

езжает какая-то машина, водитель притормаживает, смотрит на меня сквозь стекло, как на сумасшедшего.

Может, он прав.

Я сижу и дышу, но даже просто дышать мне сейчас сложнее, чем когда-либо.

В душе — дыра. Черная, обугленная дыра, как будто внутри все выжгли подчистую. Все доброе, что там было, все светлое.

Семь лет строил жизнь, укладывал кирпич к кирпичу, и вот результат. Руины за пять минут.

Так к чему все эти мучения, когда можно раз, и все…

Но я не двигаюсь с места.

Потому что в голове всплывают три имени.

Тимур. Руслан. Уля.

Дети.

Они не поймут. Никогда, за всю свою жизнь не поймут, почему отец принял такое решение.

Да я и сам бы не понял.

Перестраиваюсь, съезжаю к обочине.

Заглушаю мотор.

В голове моментально всплывают образы прошлого. Мне было пятнадцать, когда я увидел Настю впервые. Она стояла у школьного двора и смеялась над чем-то вместе с подругой. Смех у нее такой, что оглянешься невольно. Я оглянулся.

И все.

Дальше все старшие классы я за ней наблюдал, как полный

идиот. Не подходил, просто смотрел, следил, чтобы никто другой не лез, даже дышать в ее сторону не смел.

Арам знал, что я к ней чувствую. Он всегда знал все, что со мной происходило. Мой брат, мой напарник с самого детства — с тех пор, как мы вместе на горшках сидели, гоняли мяч по двору и прочее… Он всегда прикрывал мне спину.

Арам, моя зеркальная копия, вторая половина моей души, как мать всегда говорила.

Он ведь тоже втрескался в Настю тогда, причем по уши.

И я об этом также знал.

Но я думал, он отпустил это, когда мы с Настей поженились.

Не придавал значения тому, что брат все время крутился рядом. Не видел подвоха в том, что он засиживался у нас допоздна, пил чай, травил байки. Я думал — ему одиноко. Думал — скучает, хочет компании. Мы с Настей всегда рады были, дверь открыта, садись, ешь, оставайся.

Вот он и оставался.

Смотрел на мою жену. Может, годами ждал своего часа. А я, значит, ему стол накрывал и говорил — заходи еще, брат.

Брат.

Какой он мне брат теперь?!

Сам не понимаю зачем, бью кулаком по рулю — раз, потом еще раз и еще. Костяшки отдают болью, которая хоть на секунду вытесняет то, что внутри. Бью локтем по приборной панели, шнур зарядки вылетает из гнезда, скользит вниз,

болтается. Я тупо смотрю на этот шнур несколько секунд, потом откидываюсь назад.

Машина хорошая. Выдержала мою вспышку гнева.

Зато жена не выдержала.

А может, ее и не было никогда — той жены, которую я себе придумал? Мне сейчас кажется, что я женился на образе. На собственной фантазии, на светловолосой девчонке со школьного двора, которую я пронес в голове все десять лет, что ее знаю, возвел в ранг богини.

Она ведь в свои восемнадцать официально выбрала Арама. Не меня.

Но я на этом не успокоился, зажал ее в вип-кабине ночного клуба и трахнул, чтобы уж точно брату не досталась.

Она залетела, я рад был до одури.

Торопился, не дал ей опомниться, потащил в загс — думал, это любовь, думал, это навсегда. Был уверен, Настя все-таки именно меня любит. Со мной хочет быть, растить детей, строить семью.

А на деле что?

Может, вся наша семья и держалась только на детях. На котлетах, на инерции…

Снаружи давно темно. Я даже не заметил, как это произошло.

Фонарь освещает незнакомую улицу, магазин с вывеской «Продукты 24», на ступенях которого мнется дед в ушанке, с пакетом в руках. Больше никого, тихий, никому не нужный

переулок.

Я понятия не имею, сколько здесь сижу.

Вздрагиваю от резкой вибрации телефона, сердце на секунду сжимается.

Настя?

Наконец-то вспомнила про мужа, после того как сама…

Но на экране совсем не Настя, звонить мать.

Я смотрю на вызов, нехотя принимаю.

Из трубки слышится ее недовольный возглас:

— Артур, ты где вообще есть? Все гости давно собрались, Арам уже здесь, все про тебя спрашивают. Когда ты уже появишься? У тебя все в порядке?

Сбрасываю, даже не потрудившись ответить.

Смотрю в лобовое стекло на этот бессмысленный фонарь, на деда с пакетом, на вывеску.

Арам уже там.

Конечно.

Натрахался с моей женой и как ни в чем не бывало — в ресторан, к отцу, с подарком, с улыбкой. Поздравляю, папа, с юбилеем, дай обниму. Ни грамма совести, просто ни единого грамма.

А Настя? Настя тоже там? Надо было у матери спросить. И что, она тоже сидит за столом, разговаривает с родственниками, сюсюкает с детьми, улыбается свекрови, как будто так и надо? Не стыдно ей?

Меня накрывает такой злостью, что я физически не могу

ее удержать. Кулак снова летит в руль, аж костяшки горят.

Что ж ладно, раз они там, я тоже поеду.

В глаза этим тварям посмотрю.

Я завожу мотор.

Еду на автопилоте, тело действует на рефлексах.

Будто выпадаю из реальности, пока джип доставляет меня к пункту назначения.

Паркуюсь кое-как, вылезаю.

На улице собачий холод, снег срывается мелкой крупой, ветер сразу лезет под пиджак. Куртка осталась в машине. Плевать.

Иду к входу.

В ресторане тепло, шумно. Тут слышится музыка, смех, чей-то тост в дальнем конце зала. Запах еды, вина, женских духов всех мастей. У людей праздник на полную катушку, а мне хочется выть от боли.

Сканирую взглядом зал.

Дети за длинным столом у стены — Тимур, Руслан, и Уля на руках у Каролины. Аниматор в смешной шляпе что-то показывает, дети хохочут. Тимур держит своего любимого тираннозавра.

Насти нет.

Арама тоже.

— Артур! — Мать появляется рядом, берет меня за руку.

Она смотрит мне в лицо и сразу хмурится. Особенность у нее такая, всегда умела читать меня как открытую книгу,

даже когда я думал, что хорошо скрываюсь.

— Что случилось? — спрашивает она тут же. — Ты на себя не похож.

— Где Арам? — спрашиваю я.

Мой голос будто чужой, какой-то рваный, хриплый.

— Да вон, пошел с отцом в вип-зал, поговорить хотели. — Она кивает куда-то в сторону коридора. — Артур, объясни мне, что происходит, ты вообще…

— Мам, все потом.

Я убираю от себя ее руку и спешу в указанном направлении.

Дверь в конце коридора тяжелая, с золотистой ручкой.

Я распахиваю ее с грохотом.

Небольшая комната: кожаные диваны, низкий столик с бутылкой коньяка и двумя бокалами, бар вдоль стены, приглушенный свет. Тут тихо, уединенно.

Отец и Арам стоят рядом, оборачиваются на звук.

Смотрю брату прямо в глаза, а там ни намека на вину.

Ни единого, вашу мать, намека!

Надеваю маску. Ту самую, что имитирует полную невозмутимость, чтобы ни один мускул невзначай не дрогнул.

Внутри у меня руины, а снаружи — бетон.

— Артур, привет. — Арам делает шаг навстречу. — Что случилось?

Молчу.

Подхожу.

Арам лезет в карман пиджака, вытаскивает телефон, протягивает мне.

— Вот, Настя забыла…

После того, как он выебал мою жену, даже не стесняется отдать мне телефон, который она забыла в его треклятом номере?!

Я смотрю на мобильник.

Розовый корпус, бриллианты на чехле блестят, переливаются в тусклом свете вип-зала.

Мой подарок.

Кто такое выдержит?

Внутри меня что-то лопается — то последнее, что еще позволяло хоть как-то держать себя в руках.

— Сам ей отдашь, — говорю глухо. — Уебок!

И бью.

Резко, коротко, без замаха — прямо в челюсть.

Кулак входит с хрустом, Арам отлетает назад, хватается за диван, чудом удерживается на ногах, смотрит на меня с таким видом, будто не понимает, что произошло.

Изображает! Какой охрененный актер. Может, он не ту профессию выбрал?

— Артур! — Отец кидается между нами, хватает меня за плечо. — Ты что творишь?!

Я не слышу его, отшатываюсь.

Тычу пальцем в сторону Арама и рычу:

— Ты мне больше не брат. Слышишь? Больше. Не. Брат.

— Артур, какого хрена… — Арам трет челюсть, делает шаг ко мне с видом оскорбленной невинности.

— Заткнись, — продолжаю я рычать.

Он замолкает.

Я поворачиваюсь к отцу. Смотрю ему в глаза.

— А если ты его поддержишь — ты мне больше не отец. Ясно?

Отец открывает рот. Закрывает.

Смотрит на меня, как на пришибленного, явно ждет объяснений.

Но я не объясняю ничего.

Разворачиваюсь и ухожу, не забыв напоследок от души хлопнуть дверью.

Если виновный не понял, за что получил, значит у него не все в порядке с головой.

И объяснять тут нечего.

Глава 14. Ляпнула на свою голову

Настя

После нашего скандала с Артуром я сама не своя.

Меня аж трясет, когда выбегаю из его кабинета. Кое-как собираю себя в кучу, спускаюсь вниз, сажусь в машину и уезжаю куда глаза глядят.

А глаза мои глядели, видимо, в парк, потому что именно там я вскоре оказываюсь.

Сама не знаю зачем, выхожу из машины, застегиваю куртку и просто позволяю себе идти вперед, совершенно не думая о направлении.

Под ногами хрустит снег, ветер треплет еще недавно такую аккуратную прическу, и вскоре от моих красиво уложенных локонов почти ничего не остается.

Но это ли важно сейчас?

У меня брак рушится прямо на глазах!

Я не знаю, есть ли у Артура что-то с этой ведьмой из маркетингового отдела… Но то, как он воспринимает наш брак и свою роль в нем, — это же какая-то лютая дичь.

То есть он собрался поставить нас с детьми на полку на неопределенное количество времени, а сам жить свою жизнь? Зачем женился тогда вообще, если оно ему не надо. Если ему там в офисе интереснее.

Это вопрос времени, когда я окончательно окажусь на задворках его интересов. И он будет спать с той, кто все время с ним, кто разделяет его устремления, интересы, подпитывает амбиции.

Она, а не я, все время будет рядом, и он увидит в ней женщину, если еще не увидел.

Возможно, наш с ним брак протянет еще какое-то время, потому что мы оба за него цепляемся. Но он треснет по швам, как одежда, из которой вырастаешь. Уже трещит!

Дальше так продолжаться просто не может.

И все-таки я зря закатила ему скандал.

Кому и когда это помогало наладить отношения?

Зря ляпнула про развод…

Это было на эмоциях, на нервах.

Мне физически больно, стоит только представить, что мы разводимся. Я к Артуру душой приросла, это будет равносильно тому, что отрезать часть тела, причем без всякой анестезии.

Я не хочу с ним разводиться. Я его люблю! Не представляю себя без него…

Зато он, видимо, представляет. Точнее даже не так, он меня оставит — про запас, чтобы была, дальше заботилась о детях, еще рожала. А вот в фокусе его внимания мельтешить не нужно, вдруг, не дай бог, отвлеку от работы.

Мне так обидно от всего, что сегодня услышала от мужа, что хочется плакать. Но на холодном ветру это то еще заня-

тие, и без того уже лицо щиплет.

Неожиданно в сознании всплывает мысль — как там дети?

Что я за горе-мать? Взвалила детей на свекровь и сбежала. И даже не позвонила за день ни разу.

Сую руку в сумочку, пытаюсь нащупать мобильный, но его нет.

Спешно возвращаюсь к машине, начинаю обыскивать ее, но и тут неудача.

Только сейчас понимаю, что я где-то потеряла телефон.

Даже не помню, когда держала его в руках в последний раз. Вроде бы мы фотографировались с Лизой в кафе и в магазинах. Я делала селфи, в кои-то веки себе понравившись. Потом отвезла подругу в отель, поехала к мужу, за все это время про телефон даже не вспомнила.

Артур меня за этот мобильник прибьет! Его же подарок.

Тут даже не в цене телефона дело, а в том, что я, по его мнению, «не ценю все то, что он для меня делает».

Съедаемая горькими мыслями, я завожу мотор и еду…

Нет, не на юбилей свекра, потому что никак не смогу себя заставить оставаться там, улыбаться, общаться со всеми.

Позвоню с планшета близнецов Ульяне Владимировне, попрошу после праздника привезти детей, заодно совру, что разболелся живот. Нужна же какая-то причина, почему не появлюсь на дне рождения Миграна Аветовича. Ну не в состоянии я сейчас веселиться.

Впрочем, мне и врать не надо.

Живот тянет той знакомой мутной болью, какая бывает при приближении критических дней. Наверное, каждой девушке она знакома, хоть раз в жизни да болел живот в эти дни. У меня это целая проблема — особенно после рождения Ули. Что-то там в организме изменилось, и теперь в первые дни живу на обезболивающих. Особенно если перенервничаю.

Как назло, забыла положить блистер в сумочку на всякий случай.

Завожу мотор, еду домой.

Даже не гадаю, где Артур… Наверняка на юбилее у отца, гуляет себе, в ус не дует.

Интересно, он хоть сколько-нибудь переживает? Хоть немножечко? Я ему хоть чуточку важна?

Потом еще предъявит, что на праздник не приехала, все мне припомнит, и фразу мою глупую про развод.

Сердце болит, душа ноет, а низ живота и подавно стягивает противным спазмом. Прямо напасть какая-то.

Однако я забываю про больной живот, когда подъезжаю к родному подъезду, потому что вижу джип Артура. Он припаркован на его обычном месте.

Артур дома? Вот это сюрприз.

Я была уверена, что он в ресторане — сидит, веселится, выдает тосты один за другим, а обо мне если вспомнит, то ближе к полуночи.

Выхожу из машины и чувствую, как живот снова тянет, причем так, что хочется согнуться пополам. Как же не вовремя…

Захожу в подъезд, пока жду лифт, прислоняюсь к стене и прикрываю глаза. Хотя бы тридцать секунд постоять вот так, не двигаясь.

Лифт открывается.

Еду наверх, захожу в квартиру.

В коридоре снимаю куртку, сапоги. Стараюсь двигаться медленно и аккуратно, чтобы лишний раз не тревожить организм.

Прохожу в гостиную и вижу мужа.

Артур сидит в кресле.

Не читает, не листает новостную ленту на телефоне, просто сидит и ждет меня.

Стоит мне появиться, как он одаривает меня таким злобным взглядом, что по спине мгновенно прокатывается холодная волна.

Я никогда не боялась мужа. Никогда.

Но сейчас этот его взгляд заставляет меня остановиться в дверях.

— Нагулялась?!

Я даже не помню, чтобы когда-то видела мужа в таком настроении.

Прохожу в комнату, молчу пару секунд, решая, как ответить.

Не понимаю, что с ним происходит.

Но Артур не ждет, первым выпаливает:

— Есть что мне сказать?

И тут до меня доходит.

Вот к чему он ведет. Все тот же разговор, который начался в его кабинете.

Он извинений ждет за мою фразу про развод! Недаром требовал их в кабинете.

Я же видела его лицо тогда, подметила, с каким надрывом он требовал, чтобы я взяла свои слова обратно. С каким пафосом смотрел на меня, словно я совершила что-то совершенно непростительное.

А о том, что сам дал мне повод, он не думает? Не догадывается, что это он меня вынудил так сказать? После всех этих рассуждений о его светлом будущем, где мне отведена роль пуфика.

Может, еще на колени перед его величеством встать? О, это ему наверняка понравилось бы.

— Если ждешь извинений — их не будет. — Я вздергиваю подбородок.

Артур встает медленно, даже как-то угрожающе.

— Знаешь, я тут подумал… — Он разминает затекшую шею. — Ты права. Нам надо развестись. Только теперь уже я требую развода!

Кажется, я перестаю слышать на секунду.

Просто смотрю на него и хлопаю ресницами. Потому что

ожидала от него чего угодно, но только не этого.

— Артур. Ты серьезно сейчас? — Мой голос против воли срывается на писк.

— Еще как. — Он смотрит мне прямо в глаза. — Слишком хорошо тебе жилось. Слишком удобно. Хорошо погуляла сегодня? Вот и катись на все четыре стороны.

Продолжаю оторопело хлопать ресницами.

— Артур, ты о чем вообще…

— Иди в спальню, собирай чемоданы и вали! Вот о чем! — Он тычет пальцем в сторону комнаты.

Я не понимаю, что происходит.

В его словах будто есть какое-то второе дно, что-то, чего я не улавливаю. «Хорошо погуляла», — он так говорит, будто я нанесла ему личное оскорбление тем, что провела время с Лизой. Но что такого я сделала? Или его величество посчитал, что мне не следует общаться с подругой? Ему можно днями и вечерами пропадать вне дома, а мне нет.

Но в любом случае разве это повод бросаться такими словами?!

Теперь уже мое нутро заливает холодная злость.

Я впечатываю в него возмущенный взгляд и отвечаю:

— Как ты сам верно заметил сегодня — рыпаться мне некуда, соответственно идти тоже. Так что, когда остынешь…

— Я не остыну. — Он делает шаг в мою сторону и резко переходит на рык. — Даже не надейся, что я спущу это

на тормозах. И про детей не беспокойся. Потому что ты уходишь отсюда без них!

Вот это уже перебор.

Вот это он уже конкретно палку перегнул!

Ругань руганью, но сказать такое…

Что-то внутри меня щелкает, и вся боль, весь этот изматывающий вечер, его слова, наш скандал… Все это давит разом и срывает мне крышу.

Мгновение — и я превращаюсь в банальную истеричку, кричу:

— Ты охренел? Хочешь развод — окей, будет тебе развод! Но детей я тебе не отдам, понял? Хоть в суд обращайся, хоть куда! Не отдам. И из квартиры я никуда не уеду. Совместно нажитое имущество!

— Уедешь, — шипит Артур злобно. — Прямо сейчас.

— Никуда не уеду. — Я смотрю ему в глаза. — Что ты сделаешь? Силой заставишь? За шкирку и на улицу? Ну? Давай!

Он подходит вплотную.

Нависает.

Чтобы продолжать смотреть ему в глаза мне приходится задрать голову.

Сердце молотит так, что в ушах слышно, но я даже не думаю сдвинуться с места.

Артур молчит, буравит меня жестким взглядом.

А потом что-то в его лице меняется, мне даже на секунду кажется, сейчас вправду за шею схватит.

Но вместо этого он вдруг разворачивается и пинает кофейный столик.

Со всей дури!

Удар резкий, сильный, сделан с такой злостью, что столик скрипит и съезжает в сторону. С него слетает Улина кукла, глухо стукается об пол.

Я зажмуриваюсь.

В ужасе жду, что он сделает дальше.

Но Артур не делает ничего.

Слышу лишь его удаляющиеся шаги, оборачиваюсь — а он уже несется в прихожую.

Моргаю, услышав резкий хлопок входной двери.

Ушел.

Гостиная пустая. Улина кукла лежит на ковре, задрав вверх пластмассовые ноги. Столик стоит криво.

Совершенно бездумно оглядываю комнату и опускаюсь на диван.

Рассматриваю свой маникюр.

Не плачу.

Просто сижу и пытаюсь понять, что только что произошло.

Глава 15. Аффект

Артур

Я сам не понимаю, как в результате оказываюсь в Анапе.

Просто ночь, просто пустая трасса, просто ехал, куда ехалось.

И вот я в номере люкс одного из прибрежных отелей. Сижу в кресле у панорамного окна и смотрю в темную поверхность моря.

Там за окном апокалипсис — ветер, холод, волны накатывают одна за другой. А я вроде как в тепле, стекла окна надежно держат оборону. Но в душе у меня девятый вал.

Зачем-то решаю включить телефон, даже не знаю, на что надеюсь.

Что до Насти дойдет, что она натворила? Вдруг станет извиняться, пытаться хоть как-то загладить вину.

Но все это без разницы, потому что никакие, даже самые искренние извинения, больше не вернут меня в семью. Пусть она хоть километр на коленях проползет — не прощу. Ни за что и никогда не прощу. Она мне сердце выдрала своей мерзкой изменой. Никогда не смогу развидеть ту сцену, где она закинула голую ногу Араму на плечо.

Впрочем, звонит мне совсем не Настя.

Как же бесит, что она даже не пытается со мной связаться,

сучка неблагодарная! Я для нее все, а она…

Морщусь, видя на экране аватарку отца.

Беру трубку, и оттуда бьет в ухо его возмущенный ор:

— Артур, немедленно объяснись, что у тебя произошло? Мать детей вам отвезла, а тебя дома нет, одна Настя, вся зареванная. Что на тебя нашло?

Зареванная, значит?

Я всегда старался сделать все, чтобы у Насти и слезинки на глазах не появилось. Но сейчас информация о ее слезах мне что маслом по хлебушку. Бальзам для души.

Пусть страдает, пусть прочувствует, что натворила.

— Что между вами случилось такого, раз ты так себя ведешь? — продолжает бушевать отец. — Устроил драку на моем юбилее, укатил неизвестно куда, на весь вечер телефон отключил. Праздник мне испортил, шельмец такой! Как ты мне это объяснишь?

Как будто это я должен объяснять.

— А ты у Арама спроси, — хмыкаю зло.

— Арам ничего не понимает тоже! Ты можешь четко объяснить…

— Он трахнул мою Настю. Так достаточно четко, отец? — спрашиваю с издевкой.

— Что?! — Отец явно шокирован.

Тут же слышу, как он говорит куда-то в сторону:

— Арам, ты что натворил? Ты что с Настей сделал?

О-о, братец рядом, ну понятно, не упускает контроль над

ситуацией.

Они разговаривают громко, на повышенных тонах, так что я без труда слышу все.

Арам отвечает как ни в чем не бывало:

— Отец, ты что? Я ничего не делал с Настей, я ее даже не видел сегодня!

— А Артур говорит, что видел и не только… — продолжает отец.

— Не видел, — упирается Арам.

Какой же скот, какой же ублюдок! Врет на голубом глазу и не краснеет, ведь сам же пытался отдать мне ее телефон.

— Артур, — обращается отец уже ко мне. — Арам говорит, что Настю сегодня не видел. Что ты там напридумывал…

Если бы только напридумывал.

— Я своими глазами видел! — чеканю в трубку. — Своими собственными глазами!

— Приезжай немедленно, и мы все обсудим, — предлагает он тут же.

Однако я понимаю, что если нагряну к ним посреди ночи, то ни одного живого места на роже Арама не оставлю. И отцу достанется, если посмеет встрять. А он посмеет — еще как.

— Сегодня я точно никуда не поеду, — строго отвечаю.

Мне нужно как-то остыть, необходимо просто.

— Хорошо, — неожиданно соглашается отец. — Приезжай завтра в офис, и мы все обсудим. Пораньше приезжай,

чтобы было время на разговор.

Он серьезно, что ли? Думает, я после такого в офисе появлюсь? Аж три раза.

— А я не приеду на работу, пап. Я в отпуске.

Впервые за этот год, но кто смотрит мой рабочий график, кто беспокоится об отпусках? Уж точно не отец-трудоголик.

Он взвивается все больше:

— Ты что, рехнулся? Завтра китайцы прилетают, Арам презентацию делать должен, а ты, мой зам, в такой ответственный момент в кусты?

— Отец, — цежу с ненавистью, — если ты его не уволишь, ноги моей больше в твоей фирме не будет. Это понятно?

— Ты что, с ума сходишь? — ругается он. — Как я могу уволить собственного сына?

Ну разумеется, это же Арам, любимчик, дорогой сынок, самый обожаемый. Сколько от матери слышал: Арам сговорчивее, мягче, тебе бы, Артур, у него поучиться. А от отца сколько слышал: Арам такой талантливый, все на лету схватывает, настоящий самородок, ему нужен простор для полета фантазии.

Но почему-то кресло зама под моей задницей было этот год. Всю черную работу именно на мои плечи сгрузили, потому что вытягивал. Старался, жилы рвал. В ущерб всему: своему сну, времени с детьми, с Настей, будь она неладна. А Арам, уж конечно, творческий парень, ему нужен простор, он же деньги из воздуха делает на своих гребаных стартапах.

В Ростовы всякие мотается, по телестудиям скачет, интервью дает, по командировкам, без которых можно обойтись.

Конечно, отец не может его уволить, а вот об меня ноги вытереть — запросто.

Как нехер делать…

Сам не узнаю свой голос, когда рявкаю в трубку:

— Я предупреждал, что будет, если ты его сейчас поддержишь? Предупреждал? Ты на мое предупреждение наплевал. Вот теперь считай, я тебе больше не сын! И в твоей сраной фирме больше не работаю. У тебя же Арам есть, с ним и оставайся. Пусть теперь он на тебя въебывает, как я.

— Ты что несешь, дурень? — все продолжает он возмущаться в трубку. — Ты совсем с катушек слетел? Немедленно говори, где ты, я сейчас сам приеду! Уши буду драть, как в детстве…

Ну уж нет.

Взрослый я сильно, чтобы мне уши драли.

— Считай, ты мне больше не отец, — бросаю я зло.

Кладу трубку и блокирую его номер.

Следующим мне звонит Арам, его тоже блокирую. Мать — туда же. Не могу я с ней сейчас разговаривать, ничем хорошим это не закончится, только нагрублю.

Уже вздрагиваю от очередного жужжания мобильника. Даже интересно, с какого номера родственники пытаются достучаться до меня еще раз.

Всех заблокирую к шутам. Всех без исключений!

Но на экране появляется сообщение от абонента «Уля, доченька».

Ульяне всего три, она еще слишком маленькая, чтобы кому-то звонить и тем более писать. Все, что она делает на планшете, так это смотрит мультики. Однако я сделал ей аккаунт в одном из мессенджеров — на всякий случай.

До этой секунды переписки с Улей не было никакой.

И вот теперь сообщение: «Артур, это Настя, я потеряла телефон, и поэтому пишу отсюда. Где ты? Давай спокойно поговорим?»

Неужели Арам так и не вернул ей телефон? Ох, какой невнимательный.

Однако Настя хороша, умудрилась выбрать единственный номер, с которого я всегда прочту сообщение и на звонок всегда отвечу.

Уле отвечу, не ей! Ей я бы никогда…

Но пальцы уже сами печатают: «Единственное, что ты должна мне сейчас писать, это гребаные извинения!»

Вот только разве она внемлет моим словам?

От Насти моментально приходит голосовое сообщение, записанное почему-то очень тихим голосом, хотя в нем чувствуется накал:

— Я не хочу развода, Артур! Я это на эмоциях все сказала… Но ты сам меня до этого довел! Я не хотела…

Дальше даже не слушаю этот бред. Останавливаю и на хрен удаляю это сообщение, чтобы от злости не разбить те-

лефон об стену.

Не хотела она, ага…

У меня аж красные мушки перед глазами появляются после этих ее слов.

До какой степени может дойти человеческая наглость?

Как она смеет говорить, что чего-то там не хотела?! По виду очень даже хотела и получала удовольствие. Еще догадалась обвинить во всем меня? Меня, который ни разу даже не посмотрел налево. Меня, который в отпуск только с семьей, редкие выходные опять же с семьей, все ночи дома.

Как у нее только совести хватает вот так все переворачивать?!

Кажется, Настя не могла взбесить меня еще больше, чем уже сделала.

Но вскоре телефон булькает еще одним сообщением.

Читаю и охреневаю: «Извини».

Она издевается, что ли?!

Как кость собаке бросила.

Этого, по ее мнению, достаточно?

Что я должен сделать после ее вшивого «извини»? Собраться и, как верный пес, броситься обратно к ней? Разговоры разговаривать, входить в положение. Может, еще простить ненароком?

Она так страдала, так страдала от моего ужасного поведения, что аж закинула ногу на плечо моего брата, позволив ему ей отлизать.

Может, еще и помириться с этой сукой, она же извинилась — вон целое слово прислала. Одно.

А вот хрен тебе, Настена.

Я бы простил ей что угодно, но только не секс с Арамом.

Похоже, она даже близко не поняла, что натворила. Что ж, я не гордый, объясню. Наглядно покажу…

***

Настя

В спальне Ули тихо.

Так тихо, что слышно, как за окном изредка проезжают машины, как мерно дышит во сне дочка — ровно, по-детски безмятежно.

Ее мягкие черные кудри разметались по подушке. Сон глубокий, ведь нагулялась за день с родственниками до полного изнеможения.

В ее маленьком мире сейчас все в порядке, а вот в моем полный раздрай…

Я сижу в кресле напротив кровати, поджав ноги под себя, держу на коленях планшет дочки.

На экране последнее сообщение от Артура.

«Хер я тебя когда-нибудь прощу!»

Я уже раз двадцать перечитала эти слова. Наверное, на двадцать первый они должны были бы потерять свою остро-

ту, как бывает, когда повторяешь что-то слишком много раз подряд. Но нет. Снова читаю и снова будто получаю кулаком под ребра.

Вытираю щеку тыльной стороной ладони, прикрываю рот, чтобы удержать в себе очередной всхлип. Еще, не дай бог, разбужу детей своей истерикой.

Вот уже битый час пытаюсь набрать что-нибудь мужу в ответ:

«Артур, я понимаю, что ты злишься, но…»

Стираю.

«Пожалуйста, давай поговорим нормально, я…»

Опять стираю.

«Артур, как ты можешь…»

Нет это тоже не подходит.

Что вообще можно ответить на такое? Что написать человеку, который сегодня пытался выдворить меня из собственного дома, грозился забрать детей, а теперь еще вдобавок к этому исчез и пишет всякие гадости.

Я уже триста раз пожалела, что ляпнула ему сегодня про развод.

Это вырвалось на нервах, на каком-то эмоциональном пределе, когда уже не думаешь, что говоришь. Просто выплевываешь все подряд.

Я бы отмотала назад весь сегодняшний вечер, не стала кричать на него с порога там, в кабинете, не сбежала бы. Но сделанного не воротишь.

Да ляпнула, и что теперь? Разве это причина, чтобы вести себя сейчас так, как он это делает? Сам ведь наговорил столько всего, что на голову не натянешь. И ни разу не извинился, а меня заставил. Но даже это не помогло.

Неужели его так зацепили мои слова? Но сам ведь сказал мне ровно то же самое.

Что теперь делать?

Я не хочу с ним разводиться…

Он хоть на секунду о детях подумал, когда вывалил мне вот это вот все?

Снова вытираю мокрые щеки.

Зависаю над экраном, а в голове одна лишь мысль — что ему еще такого написать, чтобы в себя пришел.

Планшет вдруг тихо вибрирует, оповещая о новом сообщении.

От него.

Я смотрю на экран и сначала даже не понимаю, что вижу.

Просто картинки. Фотографии. Открываю первую — и внутри что-то обрывается.

Женщина. Блондинка. Она лишь в одном нижнем белье, а на ее груди очень знакомая мужская рука.

Вторая фотография — с брюнеткой. Ладонь Артура на ее бедре.

Третья. Селфи — он и какая-то девушка с азиатскими чертами лица, оба смеются, у обоих бокалы с шампанским.

Читаю подпись:

«Посмотри, милая, какие телки! Буду с ними отрываться всю ночь. В красках представь».

Я не дышу.

Просто сижу и смотрю в экран.

Планшет теплый в руках, ночник горит, в комнате по-прежнему раздается тихое дыхание Ули. Вокруг меня ничего не меняется, зато внутри что-то разрывается на куски.

Я думала, Артур там переживает, а он…

Затыкаю себе рот ладонью, чтобы сдержать громкий всхлип.

И тут приходит новое сообщение вдогонку: «Когда вернусь из отпуска, хочу, чтобы духу твоего в моей квартире не было!»

Все.

Я закрываю глаза.

Что-то внутри сжимается — как будто чья-то невидимая рука берет мои внутренности и медленно скручивает их. Живот простреливает такой болью, что я непроизвольно сгибаюсь в кресле.

Нет, это не нервы.

Это что-то другое, и оно нарастает быстро — волнами, каждая сильнее предыдущей.

Я пытаюсь выдохнуть, но не получается сделать это нормально. Воздух выходит из легких урывками.

Дальше чувствую, как у меня между ног становится слишком мокро, противно. Такого не может быть, ведь я с про-

кладкой, и обычно в первый день месячных у меня не бывает активного кровотечения.

Провожу рукой внизу по белой ткани шортов, подношу ладонь к свету ночника.

Кровь.

Темная, почти черная в этом оранжевом свете.

Я пытаюсь встать.

Но в эту самую минуту боль накатывает такой волной, что у меня подкашиваются ноги. Она такая резкая, скручивающая, низ живота буквально пылает.

Пытаюсь сделать шаг, но ноги окончательно отказываются слушаться, и я падаю прямо на ковер возле кресла.

Последнее, что слышу, прежде чем обморок поглощает сознание, — жужжание проклятого планшета.

Глава 16. Той же ночью

Артур

После серии фото Настя прекращает читать мои сообщения.

Совсем.

В номере полный бедлам, те три шлюхи, которых для меня вызвал услужливый администратор, вовсю веселятся.

Звучит музыка, они пьют шампанское, танцуют полуголые, изображают что-то вроде стриптиза — все для меня. Стараются, отрабатывают свои деньги.

А я сижу в кресле в отдалении и понимаю, что мне на них противно смотреть. Меня их кривляния под музыку не торкают, не заводят.

К чему пришла моя жизнь? Развод, шлюхи, ругань с женой…

Я даже опустился до такой низости, что отправил ей всю эту грязь на планшет дочки.

Из колонки, что эти швабры принесли с собой, долбят басы, а у меня в ушах до сих пор звучат слова Насти: «Я не хочу развода…»

А что, блядь, она хотела после своей выходки? О чем думала? Что по головке ее поглажу?

Но ничто не вечно в этом мире. Тот дикий гнев, что жрал

меня весь вечер, потихоньку сходит, и я четко понимаю, что тоже не хочу развода. Ведь осознаю, что он означает: это все равно что рвать на куски живой организм, которым я

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.